

Александр Прооров

К
Н
Я
З
Ь

Защититель



Князь

Александр Проzorov

Заклинатель

«Автор»

2006

Прозоров А. Д.

Заклинатель / А. Д. Прозоров — «Автор», 2006 — (Князь)

Вместе с княжеским званием Андрей получает имение на Сакульском погосте, на берегу Ладожского озера. Увы, его имение оказывается на пути шведских войск, рвущихся к Валаамскому монастырю. Из Новгорода же вместо помощи приходит предложение участвовать в заговоре против Ивана Грозного: князь Владимир Старицкий принял переселенца с южного порубежья за литовского сторонника. Выбор непрост: то ли вернуться в свой уютный двадцать первый век, то ли сражаться насмерть против сотен врагов в одном из самых глухих уголков еще совсем маленькой Руси.

© Прозоров А. Д., 2006

© Автор, 2006

Содержание

Танки идут вперед	5
Ночь полной Луны	26
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Александр ПРОЗОРОВ

ЗАКЛИНАТЕЛЬ

Танки идут вперед

Узкий, полузаросший летник¹ выбрался из густого березняка, что раскинулся на много верст от реки Великой до речушки со странным названием Демешка, пырнул к журчащему потоку с полсажени шириной, пересек его по галечной россыпи и полез вверх, к возвышающейся на холме, между черными прямоугольниками распаханых полей, деревеньке из шести дворов. Как раз по летнику из леса и выехал воинский дозор из десятка витязей в сверкающей броне: в бахтерцах, колонтарях, куюках. Кривые сабли покачивались у них на поясах, луки лежали на крупах коней, а щиты постукивали скакунов по бокам. Все воины имели густые бороды, ниспадающие на грудь, остроконечные шишаки и нацеленные в небеса рогатины.

Дозор на рысях взметнулся на холм, придержал коней, шагом пересек притихшую деревню. Только пара облезлых собак бегали здесь со двора на двор в поисках поживы, да три курицы рылись в навозной куче возле сарая с распаханутыми воротами. Ни бляенья коз и овец, ни мычания коров, ни голосов человеческих.

– Вроде как не поломано ничего, боярин, – громко сообщил один из дозорных, заехав в первый двор. – Видать, сами ушли, как о литовцах услышали. Не бывали здесь поганые, не разоряли деревни.

– Оно и ладно, – кивнул витязь в трехслойном бахтерце с наведенной на пластины позолотой, дал шпоры коню, и дозор помчался дальше, через поля и луга к темнеющему впереди, в двух верстах, сосновому бору.

Примерно на час над деревней опять повисла тишина, а потом из березовой рощи – похоже, выросшей на месте давнего лесного пала – выползла голова закованной в железо могучей рати. Первыми скакали всадники по трое в ряд, стремя к стремени, каждый придерживал рукой копьё, поставленное комлем ратовища в петлю под седлом. Войско пересекало селение долго, часа три, широким походным шагом. Голова колонны уже давно скрылась в сосновом бору, что стоял за две с лишним версты от березняка, а река облаченных в железо людей все текла и текла, пока, наконец, не сменилась столь же долгим потоком телег, повозок, колымаг, обитых циновками кибиток.

Тем не менее, обоз не замыкал перемещающуюся рать. Когда он выполз-таки из леса, вскоре выяснилось, что следом, под прикрытием нескольких сотен легковооруженных конюхов, движется длинный табун из тысяч и тысяч заводных лошадей. К тому моменту, как последний из холопов покинул березняк, дорога оказалась уже довольно широкой, хорошо натоптанной и напоминала добротный накатанный шлях между крупными торговыми городами.

Андрей Зверев шел примерно посередине ратной колонны, рядом с боярином Василием Ярославовичем и полусотней его холопов. В этот раз, прослышав, что литовцы, осадив Себеж, сожгли монастырь Святого Николы и стоящую при нем церковь, боярин собрал из усадьбы почти всех воинов, оставив всего десяток пожилых холопов, а жену с частью добра отправил в город. Лисьин полагал, что важнее разбить схизматиков² в поле, нежели оставлять большие силы в усадьбе. Коли литовцев прогонят – то и усадьбе опасаться нечего. Коли они победят

¹ Дорога, проезжая только летом.

² Схизматиками на Руси называли всех западников, отказавшихся от христианской веры: католиков, лютеран, кальвинистов и прочих сектантов. В общем, все западные течения, называющие себя христианами. Мусульмане именовались сарацинами и басурманами. Кстати, некоторые историки утверждают, что последним прозвищем мусульмане даже гордились.

– слабому укреплению против мощного войска все равно не устоять. Сигизмунд же послал в этот раз, как сказывал воевода, почти сорок тысяч воинов.

Окрестные великолукские помещики исполчались неделю, потом еще три дня решали, кто станет командовать войском, его крыльями, отдельными полками. За это время поляки и литовцы, покричав под стенами крепости о смерти княжича и восшествии на стол друга Сигизмундова, великого князя Владимира Андреевича, удельного князя Старицкого, спалив пять церквей и еще один монастырь, осаду таки сияли и ушли назад. Воевода себежский князь Тушин и его служилые люди еще могли поверить в смерть юного великого князя Ивана – этого события ожидали почти все. Они могли поверить, что князь Старицкий как ближайший родственник государя взошел на стол. Однако невозможно было согласиться с тем, что тринадцатилетний княжич оказался старинным другом польского короля, и уж, тем более – что он призвал того к себе на помощь. Измены бывают всякие большие, малые. Открытые, тайные, уместные и глупые. Но изменять самому себе, призывая на свою родину безбожных иноземцев, православный великий князь ну никак не мог!

Лезть под пушки, на новенькие стены окруженного со всех сторон водой Себежа поганые не рискнули и ушли назад. Вскоре пришла весть, что они двинулись в сторону Пскова, известного, наряду с ганзейским Новгородом,³ своим беспокойным нравом. Видимо, тати ожидали найти там поддержку. Разумеется, ляхи уперлись на своем пути в высокие стены могучей крепости Остров, что не раз уже разбивала надежды на легкий разбой, как у Литовского князя, так и у Тевтонского ордена. Боярское ополчение двинулось крепости на выручку, намереваясь прижать недруга к городским стенам и разгромить, стиснув его меж двух огней.

Конечно, теперь, после того как Андрею удалось предотвратить убийство великого князя, будущего царя Ивана Васильевича, в поход можно было и не идти. Молодой человек знал, что река времени вернулась в прежнее русло и ему есть куда возвращаться назад, в свой мир. Боярин Кошкин, друг Василия Ярославовича и побратим по братчине, после спасения князя прочно осел при дворе с друзьями и многочисленными родственниками и к государю посторонних уже не подпускал – второго покушения он уже не допустит. И все же Зверев решил ненадолго задержаться в шестнадцатом веке и научить хотя бы холопов боярина Лисына, считавшего его своим сыном, обращаться с пищалами, как они упрямо называли сделанные им ружья. А также – сделать первый в истории человечества танк, пусть пока и из дерева.

Отряд Василия Ярославовича и так уже заметно отличался от прочего ополчения. Почти все холопы скакали с бердышом за спиной. После того как юный новик в одиночку расправился неведомым в этом мире «инструментом» с семью разбойниками, они дружно запросили у боярина такое же лихое оружие, как у Андрея. А если к этому добавить еще восемнадцать пищалей, что лежали в обозе, то Зверев искренне ожидал, что в ходе будущей битвы сможет произвести настоящий фурор как среди своих, так и среди поганых и отбить у схизматиков желание связываться с Московской Русью. Жаль только, четыре из двадцати пищалей, откованных Малютой, разорвались при испытании.

Мало того, в обозе на пяти телегах тряслись в разобранном виде два «танка» из двадцатисантиметровых бревен. Вот покажет в деле, каково оно, настоящее, суперсовременное оружие – тогда можно и домой. Здесь и так всё до ума доведут. Русскому человеку достаточно намекнуть, показать новую идею – а дальше смекалка и мастерство сами все лучшим образом устроят.

– Чего приуныл, новик? – скосив глаза на сына, спросил боярин. – Ровно сечи боишься?

³ Новгород был членом Ганзейского союза вплоть до 1494 года, однако «вольнодумие» и укрывательство «диссидентов» продолжалось в нем еще довольно долго.

– Согласись, отец, не бояться глупо, – дернул Зверев плечом, придавленным тяжестью байданы и куяка. – А приуныл оттого, что ползти шагом надоело. То ли дело на рысях идти, как в Москву мчались! А шагом мы до Острова только к осени дойдем.

– Быстрее нельзя, сынок, обоз отстанет, – вздохнул боярин. – В большом походе без него никак. Опять же и твои хитрые приспособы в нем. Мыслишь, польза от них хоть какая будет?

– Будет, отец. Ты даже не представляешь, какая будет польза.

– Ну-ну, глянем, новик. Ты только вот что, Андрей... Видел я, лихой ты стал, кровь молодецкая играет, в самую гущу сечи влечет. Но то стычки были малые, короткие. А здесь большая битва грядет. Посему прошу об одной услуге. Ныне вперед не рвись, в задних рядах за холопами встань. Приглядишься поперва, что к чему, как люди управляют, как друг другу помогают, как меняются. Пахом, дядька твой, тебя придерживать станет. Так ты не перечь. К большой битве тоже навык потребен.

– Ты так говоришь, отец, словно битва уже вот-вот начнется.

– Да так и есть, Андрей. До Острова верст двадцать осталось, не более. Как из леса выйдем – князь Чевкин, я так мыслю, на отдых рать остановит. У Гороховского озера луга широкие, заливные. Ныне уж просохнуть должны, а коням попасть в самый раз будет. От озера до крепости час пути. От него, с силами собравшись, и ударим. Так разумнее всего выйдет. И ляхам нас от города не видать, и кони перед сшибкой запариться не успеют, и рать развернуть места хватит.

– Значит, тогда и танк мне сегодня собирать нужно? Ты все про баловство свое беспокоишься? Коли так, то до завтра дело сие отложи. Знамо, в первый же день князь Чевкин не ударит. И людям передышку хоть в день дать надобно, и коней хорошо бы на заводных переменить, и то, как поганые расположились, проведать. Завтра игрушку свою собирай. А послезавтра к сече надобно быть готовым.

– Так и будет, отец, – кивнул Андрей. – Успею.

В день святой мученицы Вассы⁴ поместная рать вышла к озеру. Когда точно – сказать было трудно, поскольку голова войска вслед за дозорами начала спешиваться па заливных лугах, когда солнце стояло еще высоко, хвост армии – в сумерках, обоз подкатился уже в темноте, а заводных коней холопы пригнали и вовсе под утро.

К приходу обоза ратники успели не только расседлать коней, напоить и увести их в сторону на зеленую травку, но и приготовить дрова, разложить костры. В темноте с расползшихся по своим отрядам телег оставалось только снять котлы и водрузить их над огнем – где на больших треногах, а где и на вертелах. Воду из озера черпали в таких количествах, что Андрей даже думал – обмелеет. Но нет, вода ничуть от берега не отошла.

Как закипело, наскоро заварили кулеш – густую похлебку из муки и сала. Этот суп-пюре имел запах запеченной крольчатины и вкус исполнявшегося теста, но зато готовился практически мгновенно и был весьма сытным. Холопы достали ложки, выстроились в круг. Каждый зачерпывал порцию и тут же бежал в конец очереди. Обжигаясь, опорожнял свой «прибор» и, когда проходил полный круг, мог зачерпывать кулеш снова. Поскольку походная ложка емкостью мало уступала поварешке, котел опустошался довольно быстро.

Боярин с сыном в общей толпе, естественно, не стояли. Они сидели на расстеленном на траве ковре и прихлебывали варево из отдельных мисочек, закусывая копченым лещом. Спали они тоже рядом, прикрывшись шерстяными, подбитыми на плечах кожей, плащами. Броню вблизи врага почти никто не снимал, а в поддоспешнике, пусть даже войлочном, да в меховой безрукавке поверх толстоколычатой байданы, было жарко и без одеяла.

Утром Рыкень сварил уже нормальную, рассыпчатую гречневую кашу с шафраном, перцем и тушеной свиной. По сравнению с кулешом – просто лакомство от лучшего москов-

⁴ 4 июня.

ского ресторана. Вскоре после завтрака бояре и князя потянулись к большому сине-красному, с алым флажком шатру на взгорке – к ставке воеводы Чевкина, – а Андрей, прихватив два десятка холопов, двинулся в обратную сторону, на край стана, собирать «танки». Посреди воинского лагеря, в густой толчее, делать это было просто негде.

Пятнадцатитысячная русская рать раскинула свои ковры, шатры и потники возле озера на полосе шириной метров в триста и около полукилометра длиной. Оно и понятно – без воды ни помыться, ни каши не сварить, ни попить. За дровами же приходилось бегать к растущему почти в километре на восток густому ольховнику. Дальше вдоль берега, в пределах видимости, под присмотром сотен холопов – каждый боярин по паре своих воинов послал – паслись боевые кони. Лошадь – она ведь не БТР, рядом с собой на привале не оставишь. Ей и побегать хочется, и травку пощипать, и надобности естественные справить.

Как раз на свободном месте между табуном и лагерем Зверев устроился со своим новым изобретением. По его замыслу, «танк» должен был представлять собой некое подобие поставленного на колеса сруба, с узкими бойницами на каждую сторону. Внутри следовало запрячь лошадь, а также посадить пятерых холопов с пищалями. Один стреляет вперед, двое – по сторонам, еще двое – управляют лошадью и перезаряжают оружие.

Недостаток конструкции заключался в том, что она оказалась необычайно тяжелой и неуклюжей, угнаться за обозом «танки» никак не могли, как ни старайся. Вот и пришлось разобрать их на четыре бревенчатых щита каждый и разложить на несколько повозок. Впрочем, оптимизма Зверев не потерял: ведь первые танки, пошедшие в атаку на Сомме, тоже были изрядными уродцами, тоже тихоходными и неповоротливыми. Однако на поле боя они все равно произвели сенсацию.

– Давайте, мужики, сгружайте, – подогнав телеги на более-менее ровное место, указал новик. – Ставьте пока на землю, слегами подоприте, чтобы не падали. Весь крепеж изнутри, нужно разобраться, какие из щитов к какому танку относятся...

Холопы принялись сгружать бревенчатые прямоугольники, расставлять вокруг телег так, чтобы бойницы находились в верхней части и лежали горизонтально. Андрей отыскал среди пищалей, слег, постромков и оглоблей оси, которые надлежало продеть через специальные отверстия снизу щитов. Потом боковины скреплялись сверху, на крюки надевались передняя и задняя стенки.

– Да ты, никак, строиться здесь задумал, младший Лисьин? – совсем рядом неожиданно прозвучал насмешливый голос. – Это мудро! Раз уж на чужой земле сесть удалось, так отчего и в другом месте вотчины не украсть? Ты стройся, стройся, авось обойдется...

Со стороны табуна гарцевали трое одетых в панцирные кольчуги ратников. Охульные речи вел один, тощий, как фотомодель, с треугольным лицом, словно заточенным вниз, к подбородку. Грубиян поверх кольчуги носил наведенное серебром, сверкающее зеркало, из-под брони тянулись рукава алой атласной рубахи, на голенищах сафьяновых сапог сверкали золотые пластинки. А может, и медные – поди разбери. Судя по тому, что двадцатилетний на вид паренек сидел верхом – значит, скакал с поручением. Зверев улыбнулся:

– Ба-а, кого мы видим! Никак княжич Федор Друцкий?! Вижу, уже при ставке пристроился? Это правильно. Подальше от сечи, поближе к славе.

– Что?! Ты назвал меня трусом?! – Юный Друцкий схватился за саблю.

– Нет, я назвал тебя рассыльным при ставке... – Андрей взялся за ратовище висящего за спиной бердыша и перекинул ремень оружия на плечо. Теперь сдернуть его можно было одним движением. – Ну, мальчиком на побегушках при воеводе.

– Не тебе судить, тать безродный! – вспыхнул княжич. – Тебя, вора, и близко к воеводе никто не пустит!

– Да я понимаю, понимаю, – не стал спорить Зверев. – Каждому свое. Кому врага с мечом встречать, а кому с писульками из полка в полк по кустам бегать.

– Как ты смеешь... – В этот раз Федор Друцкий даже вытащил наполовину саблю. – Я уже в трех походах ратных побывал! А ты, новик, первый раз со двора нос свой высунул!

– Может, и высунул, – хмыкнул Андрей, – а желающих нос этот прищемить нарубил уж поболее, нежели ты по кустам сумел найти.

– Я тебя выпорю, смерд! – двинул на него коня княжич. – За твой язык поганый, да за наглость несусветную...

– Не ты первый собираешься, – сдернул с плеча бердыш Зверев, – не тебе первому и по сусалам получать.

– Бояре, бояре... – Чувствуя, что вот-вот дойдет до драки, втиснулись между конем и новиком холопы Василия Ярославовича.

Княжеские холопы тоже двинулись вперед, пытаясь оттеснить скакуна господина в сторону, мимо Андрея. Наверное, так бы и развели двух задиристых мальчишек, одного неполных шестнадцати, а другого – двадцати лет, но тут вдруг над лагерем промчался истошный крик ужаса:

– Пога-а-а-анье!!!

Из изрядно прореженного сборщиками дров ольховника выхлестывала плотная лавина закованной в сверкающее железо конницы и, опустив копыта, неслась через поле на воинский лагерь. Люди вскакивали, хватали оружие, щиты, рогатины – но ни сомкнуться, ни тем более сесть в седла ополченцы уже никак не успевали. Было ясно, что рыхлая масса пеших бойцов через несколько мгновений будет стоптана, уничтожена, перемешана с черной торфянистой землей.

– Пахом! Порох на полки, фитили зажигай! Лук мой где?!

– Бежать надо, княжич! – схватился один из холопов за повод господского коня, но Федор тут же огрел его по руке плетью:

– Друцкие от ворога никогда не бегали!

– Лук! – Андрей кинулся к повозке, открыл колчаны саадака, схватил оружие, пучок стрел, встал между двумя поднятыми щитами, привычным движением проверил кольцо с прорезью для тетивы на пальце, поправил серебряный браслет на левом запястье. Его и ляхов разделял весь воинский лагерь, почти полкилометра. Для огнестрела – невероятно далеко. Для лука – в самый раз. – Глеб, стрелы готовы!

Он резко натянул тетиву, метнул стрелу, тут же наложил новую, опять метнул, потом еще и еще. На таком расстоянии о точности речи, естественно, не шло – но по плотной конной лаве промахнуться было практически невозможно.

Из лагеря набежала толпа холопов и детей боярских с безумными глазами. Они проскакивали между поставленными на попу бревенчатыми щитами, обегали их со стороны озера и ближе к лесу. Все они прекрасно понимали, как мало шансов уцелеть в чистом поле пешему против конного, и отчаянно пытались спасти свои животы. Лошади, кони, мерины, кобылы – вожаки скакунов были совсем рядом. Очень многие – даже не расседланные, только с отпущенными подпругами. А конь с седлом – это жизнь.

Но бежали далеко не все. Многие встречали конницу схизматиков рогатинами и совнями, накалывали на них коней, выбивали из седел рыцарей, рубились мечами, вспарывая шеи коней и подрубая ноги всадников. Их сбивали на всем ходу грудями коней, протыкали лэнсами, рубили с седла, и ратники погибали – забирая с собой двух-трех схизматиков. Или лишая их нескольких коней. Или просто отнимая на себя несколько мгновений их времени. Конная лавы начала замедлять свой разбег, увязать в человеческой массе – а оказавшиеся ближе к пастбищу холопы уже многими сотнями добежали до табуна, торопливо разбирали коней, затягивали подпруги, поднимались в седла... И скакали дальше!

– Проклятье! – У Андрея между выстрелами хватало времени разве только пару раз оглянуться, а уж изменить он и вовсе ничего не мог. До поганых оставалось всего-то метров триста, и теперь он мог вполне уверенно выбирать себе цели.

Бритый лях, прикрытый щитом. Нет, деревяшку с лука не пробить. Лови стрелу в лоб лошади! А этот в кирасе, щит в сторону отошел. Этому в грудь – привет из Великих Лук! Не выпал? Еще один! Соседний лях щитом не прикрылся – стрелу под ребра! А этому коня из-под седла выбить! И этому!..

Поганые скатывались на землю один за другим – Федор Друцкий тоже неустанно работал луком, и тоже неплохо. Но два лука никак не могли остановить многотысячной конной массы. До нее оставалось двести метров... Сто пятьдесят...

– Пахом! – откинув на повозку лук, закричал Андрей.

– Готово, новик! – так же во всю глотку заорал Белый. У ближнего щита рядом стояли пищали с дымящимися фитилями.

– Бежим, княже!

– Заткнись! – Тетива княжеского лука продолжала басовито петь.

Сто метров.

Зверев схватил крайнюю пищаль, мельком глянул: фитиль дымит... Порох на полке... Запальное отверстие с крупинками... Он высунул ствол в бойницу щита, прицелился поверх голов убегающих от смерти людей.

Пятьдесят метров.

Андрей направил ствол в сторону вырвавшегося вперед рыцаря в шлеме ведром, с восьмиконечным крестом на кирасе и алым плащом за плечами, нажал на спуск...

Д-да-дах! – Лях и несколько всадников за ним словно испарились, пространство перед щитом заволокло дымом.

Андрей схватил следующую пищаль, высунул в бойницу, направил правее, нажал. Д-да-дах! – больно пихнул в плечо приклад. Новик бросил пищаль, подхватил две другие, перебежал к соседнему щиту, перед которым обзор ничто не застилало, а вот схизматики находились чуть ли не в двух десятках шагов. Высунул ствол, нажал гашетку. Д-да-дах! – два десятка девятимиллиметровых картечин проложили буквально просеку во вражеском строю, снеся трех-четыре всадников и сбив с ног еще столько же лошадей.

Зверев выстрелил в ту сторону еще раз, рванул бердыш – в проем между щитами уже прорвался сквозь пороховой дым темный всадник. Стремительный укол – у лошади из горла ударил фонтан крови, она полетела через голову. Всадник попытался спрыгнуть, но его встретил топор Глеба, вошедший глубоко в грудь. Второй всадник в щель между щитами не попал, на всем ходу врезался в бревенчатую стену и попытался достать Андрея через верх. Новик прикрылся от меча широким лезвием бердыша, тут же рубанул им вверх, по не прикрытой снизу броней подмышке. Тут же хлынула кровь – значит, вену достал.

Больше в щели никто не появлялся – видимо, после залпов в упор ляхов уцелело только двое. Зверев перебежал к пищалям, махнул Пахому рукой:

– Туда стреляй! Обходят! Никита, помоги!

Сам, схватив два ствола, кинулся назад, к крайнему щиту. Холоп, взяв еще два, побежал следом. Конница схизматиков обтекала расставленные на поле щиты, пытаясь нагнать убегающих московитов, захватить огромные табуны. Но между озером и крайним щитом расстояние было всего метров сто, не больше. Новик выстрелил раз, другой, третий, метясь на уровне голов, чтобы картечь не застревала в конских телах – и после каждого удара в плечо между ним и озером рушилась на землю целая шеренга с десятков поганых. После третьего выстрела дым заполнил все – Андрей перебежал к соседнему щиту, выстрелил еще раз в сторону врага, взял в руки бердыш. Рядом с таким же бердышом замер Никита, подошли еще несколько холопов. Минута-другая... Ничего. Из-за клубов дыма никто не появлялся.

Зверев попятился, побежал на другой край огороженного бревенчатыми степами пространства. Там Пахом уже отложил дымящиеся горячие пищали, оглянулся, словно почувствовав на себе взгляд Андрея, и его усы поползли в стороны.

– Кажись, погнали, новик...

– Перезаряжай!!! – крикнул ему Андрей, подхватил с телеги лук, придвинул колчан с последними стрелами. Штук пять, не больше. – Пахом, запасные стрелы где?! Доставайте!

– И мне! – крикнул все еще гарцующий рядом княжич. – Мне тоже дайте!

Зверев промолчал, сделал несколько глубоких вдохов и выдохов, восстанавливая дыхание, поднял оружие.

Схизматики, преследуя бегущих ратников, с самого начала обходили горстку сражающихся храбрецов, и прежде, чем новик и его дядька остановили этот поток, больше полутора сотен ляхов уже успели уйти дальше, к табунам. Теперь они разворачивались, чтобы ударить по стрелкам сзади, со стороны, никак не защищенной – ни щитами, ни телегами. Ничем...

– Зильдохен шварц, и танки наши быстры, – пробормотал Зверев бессмысленные слова, которые, однако, помогли ему сосредоточиться. – Пять стрел... Ну, коли так...

Он выбрал поганых, одетых в самые яркие, дорогие и прочные доспехи, и пять раз без промедления натянул и отпустил тетиву. Три попадания, два промаха.

– Все равно чуток полегче будет... – Он отбросил лук, перекинул из-за спины бердыш. – За мной, мужики! Пора и руками поработать!

Он ринулся навстречу атакующей коннице, даже не оглянувшись. В том, что холопы двинулись следом, он ничуть не сомневался. Те, что имели право звать его по имени и окликать барчуком...

– За мной!!! – Федор Друцкий, видать, решил превзойти храбростью давнего родового недруга и вырвался вперед, выставив щит и отважно взмахивая саблей. По сторонам, явно пытаясь прикрыть его собой, мчались князьи холопы.

Друцкий вылетел на полста шагов и врвался в толпу врагов. Зазвенели клинки – левый холоп принял на щит меч одетого в стеганку ляха, оттолкнул, выбросил деревянный диск вперед, ломая поганому ребра окантовкой, отмахнулся саблей от нового врага. Что делали остальные, из-за него было не видно, но холоп от своего господина явно отставал. И все равно поляки уже обходили его слева. Он извернулся, закрывая щитом спину, подбил вражеский клинок, резанул поперек горла, скакнул назад – как раз вовремя, чтобы парировать направленный в голову удар. Тут как раз подоспел Зверев, загнав длинное и широкое лезвие бердыша схизматику под латную юбку, чуть отскочил, давая ляху место для падения и одновременно прикрываясь его конем справа.

Поганые продолжали напирать, охватывая бьющихся насмерть витязей. Над Андреем нависла оскаленная морда коня, а всадник, закрываясь справа большущим каплевидным щитом, слева попытался уколоть его мечом в горло. Новик вскинул бердыш, закрывая шею его широким лезвием. Острие клинка скользнуло дальше, за спину, а когда поляк отвел руку для нового удара – резанул коня по горлу. Скакун рухнул как подкошенный – Зверев перехватил ратовище у основания и со всего замаха рубанул спрыгнувшего с седла врага в основание шеи. Тот попытался закрыться саблей, но тонкий клинок не смог остановить тяжелого лезвия, как не выстояла и кольчужная бармица, из-под которой обильно потекла кровь.

Мгновение передышки – новик успел глянуть вправо, убедился, что все трое всадников еще дерутся, и тут же вскинул бердыш над головой, принимая на него рубящий удар меча. Но этот поляк оказался хитрый, ударил с какой-то ловкой оттяжкой, а потому клинок парировать не удалось, он плашмя опустился Андрею на спину, выбив из легких воздух. Новик в ответ со всей силы ткнул поганого подтоком по толстому бедру – острие скользнуло по железному доспеху вверх, сминая кольчужный подол, куда-то жестко уткнулось. До тела, может, и не достало, но лях от удара из седла вылетел, а вместо него тут же подскочил другой, который

тоже рубанул, но не так удачно – Зверев отвел меч себе за спину и оттуда, двумя руками, с резким выдохом ударил врага бердышом так, словно колот на даче дрова для печки.

Схизматик закрылся щитом – бердыш вошел глубоко в дерево, и Андрея поволокло, опрокидывая на спину. Тут деревяшка не выдержала – пошла трещиной. Новик упал, однако успел выбросить оружие на всю длину древка и вытянутой руки, пропарывая чужому скакуну брюхо.

Оглушительно грохнул выстрел, почти сразу – еще один. В ушах зазвенело, но сквозь этот звон новик слышал крики боли, жалобное ржание. Андрей перекатился на четвереньки, ухватил оружие двумя руками, рывком поднялся, готовый немедленно и рубить, и колоть. Но оказалось, что он – один.

– Сюда, новик, сюда! – услышал он голос Пахома, махнул рукой в ответ:

– Заряжай!

Он огляделся. Рядом, придавленные еще дергающимися конскими тушами, лежали двое его холопов. Славут и, похоже, Рюрик. Еще один распластался на траве дальше, без шелома и с рассеченным лбом.

– Сюда, новик!

Из княжеских людей не осталось никого – заплатил-таки князь Федор животом за отвагу свою, доказал, что зря его поносил мелкий соседский боярин.

Ветер отнес в сторону пороховой дым, и Зверев увидел, что ляхи не отступили – просто остальные всадники чуть поотстали, но теперь приближаются, уже совсем рядом. А еще увидел, как среди конских туш приподнялась и упала рука в алом атласном рукаве. Андрей попятился на пару шагов и остановился. Легко догадаться, что поганые либо затопчут княжича, либо просто добьют, когда увидят, что он еще жив. А Друцкий хоть и был хамом – но своим.

– Скорей!

– Пахом! – повернулся к щитам Зверев. – Стреляй! Да стреляй же!

Белый, чуть поколебавшись, схватил с телеги, на которой Рыкень торопливо работал шомполом, пицаль, вскинул ее. Андрей немедленно упал на спину между конскими тушами, прикрыв грудь бердышом, а едва грянул гром – вскочил и помчался к сраженному парню, упал рядом на колено:

– Жив, разбойник?

– Ногу... прижало... – поморщился Федор Друцкий. – Не вытащить.

– Но-овик!

Услышав испуганный крик дядьки, Зверев вскинул бердыш, упер подтоком в землю – и уже после этого увидел налетающего копя, пригнулся, пытаясь спастись от удара, услышал скрежет железа по железу – в этот миг грудь вражеского скакуна напоролась на лезвие, сталь вспорола кожу и ребра несчастного животного. Новик рванул ратовище на себя и вверх, удерживая оружие из земли – из тела падающего животного оно выскочило само, – широко взмахнул на уровне груди, удерживая за кончик древка. Поляк, что скакал справа, находился слишком далеко, чтобы достать Андрея коротким мечом, но не настолько, чтобы новик не дотянулся до него кончиком своего двухметрового оружия. Край лезвия резанул ногу врага чуть выше колена. Не смертельно, но вполне достаточно, чтобы поганому стало не до битвы. Новик повернулся к первому врагу, выпрыгнувшему из седла и успевшему встать на ноги.

– Сдавайся, юнец! – предложил чернобородый схизматик лет сорока. – Жив останешься.

– Иди ты... – Новик подкинул бердыш, взял ближним хватом, под косицу и обух.

– Как знаешь. – Поганный, потерявший щит, свободной рукой выхватил нож и сделал выпад, метаясь мечом Андрею в левое колено.

Широкое лезвие опять выручило новика: левой рукой он резко опустил бердыш вниз, парируя выпад, а правой толкнул вперед другой край древка. Удар схизматику в ухо пришелся плашмя – но этого хватило, чтобы отбросить голову врага вправо и на миг лишить ориенти-

ровки. Обратным движением Зверев рванул к себе подток, а лезвием снизу вверх рубанул чернородого между ног.

Несколько мгновений до новой стычки – Андрей упал рядом с княжичем, подsunул бердыш под седло его коня, потянул древко наверх, приподнимая тушу. Ратовище пугающе затрепало. Зверев левой рукой схватил Друцкого за ворот кольчуги, рванул, помогая выбраться, тут же дернул оружие и взметнул вверх, острым кончиком накалывая морду белой лошади меж ноздрей. Та от боли заржала, встала на дыбы. Новик опять рванул к себе приволакивающего ногу княжича, вскочил, рубанул опускающуюся лошадь под основание головы, потянул Друцкого, отступил еще на шаг.

Слева и справа показались новые враги. Спасаясь от направленного в грудь клинка, Андрей откинулся на спину. Грохнул выстрел, и обоих ляхов не стало – снап картечи отшвырнул их куда-то в сторону. Новик поскорее поднялся, сунул голову княжичу под мышку и побежал ближе к своим, волоча его на себе. Упал возле телеги, тут же перекатился на спину, поднял уже давно не сверкающее, темное от крови, широкое лезвие.

Но ляхи больше за ними не гнались. Потеряв в жестокой стычке почти полсотни людей, они предпочли обойти кровавое место и поскакали к ольховнику. Сил на то, чтобы отбить у конюхов русский табун, у них теперь не оставалось. Достать до схизматиков из пищалей было можно – но у лисьинских холопов без того хватало хлопот. Трое из них, спрятавшись между телегами, забивали заряды в сложенные рядом на земле пищали, остальные жались к бревенчатым щитам, осторожно выглядывая через бойницы, но никуда не стреляя.

А еще новик обратил внимание на то, что земля и телеги истыканы множеством стрел. Причем каждый миг то тут, то там с шелестом падали, глубоко вонзаясь в дерево или уходя в дерн, новые.

– Под телегу прячься! – посоветовал княжичу Зверев, схватил пару заряженных пищалей, перебежал к щиту и поглядел в бойницу.

Поле перед подпертыми на слуги стенами выстилало туши лошадей и рваные людские тела. Метрах в трехстах, глядя в их сторону, гарцевали схизматики. Перед ними стояли два десятка лучников с луками в полный человеческий рост и методично опустошали колчаны.

– Ты глянь, дядька, – ткнул Пахома в бок Андрей. – Оказывается, и у ляхов луки имеются!

– Да какие это луки? – презрительно отмахнулся Белый. – Деревяшки! Однако же из пищали до них все же не достать. Ох, не достать. Далеко.⁵

Болезненно вскрикнул холоп у дальнего щита, упал на землю. Почти одновременно закрутился Глеб, держась за вошедшую в ногу стрелу. Получалось, что защищать так и не собранные танки осталось уже шестеро бойцов, не считая Андрея. Еще трое холопов перезаряжали пищали, по ставить их к щитам смысла не имело. Между телегами от них пользы было больше.

– Проклятие! – Федор Друцкий миновал просвет между щитами, и сразу две стрелы чиркнули по его броне.

– Ты чего на месте не сидишь, княже? – полуприсев, чтобы голова находилась ниже бойницы, спросил Зверев.

– Нешто я смерд, под телегой в битве отсиживаться? – презрительно скривился парень. – Здесь умру, с мечом в руках, а не свечою.

– Ты же хромаешь!

⁵ Даже поганенький английский тисовый лук метал стрелу на расстояние до 350 метров. Официально зафиксированная дальность выстрела из составного лука составляет 838 ярдов (766 метров) – две стрелы на такую дистанцию пустил в присутствии большого числа свидетелей султан Селим в 1797 году. И это в то время, когда лук уже больше ста лет как перестал считаться в Европе оружием. Дальность же выстрела из гладкоствольного (но зато дешевого) «огнестрела» – около 200 метров.

– Хромаю, да не падаю... – Друцкий оперся на рукояти двух прямых литовских мечей. Видать, подобрал вместо потерянной сабли. – Спасибо тебе, боярин младший Лисьин. Вытащил, не бросил.

– Русские своих не бросают, – пожал плечами Зверев. – А с размолвками опосля разберемся. Меня, кстати, Андреем зовут.

– Вот уж не думал, что спина к спине с Лисьиным погибать доведется... – широко перекрестился Друцкий. – Ну прости, коли что не так было. Без обид и ненависти пред Господом представать надобно.

– Не торопись помирать-то, – похлопал ладонью по прислоненной к бревнам пищали новик. – У меня два десятка стволов, по двадцать картечин в каждой. Четыре сотни пуль. Через такую завесу еще прорваться надобно. Хочешь поиграться?

Княжич в ответ опять перекрестился:

– Бесовские это игры. Ты мне лучше лук и стрелы дай. Ими баловаться не грешно.

– Скачут... – выдохнул Пахом.

Зверев ухватил пищаль, уже привычно скользнул взглядом по оружию: фитиль дымится, порох в запальном отверстии виден, на полке к тонкому сальному слою прилипли крупинки затравочного пороха. Андрей встал, высунул ствол в бойницу, медленно выдохнул:

– Ра-а-ано-о-о... – И лишь когда поганые приблизились на сотню метров, первым нажал на спуск.

От грохота выстрела заложило уши, приклад ударил в плечо. Андрей опустил пищаль, тут же схватил другую, пальнул в дымовую завесу, схватил третью... Осечка!

Впрочем, справа и слева загрохотали другие стволы, выплескивая каждый по половине магазина от «Калашникова» заряд. Новик отставил пищаль, перехватил бердыш у подтока, размахнулся, ожидая появления врага. Ведь, как ни старайся, снести всех ляхов картечь не могла, а остановиться, как бы страшно ни было, разогнавшаяся конница просто не способна. Кто-то да прорвется.

Грохнул, содрогнувшись, щит, сверху мелькнули копыта – в густом пороховом дыму кто-то из схизматиков налетел ла бревенчатую стену, попытался перескочить, но не смог. Почти в то же время в проеме между щитами появился всадник – и Андрей с замаха попытался срубить ему голову. Лях, увы, успел прикрыться щитом, и лезвие огромного топора глубоко засело в дереве. Зверев рванул оружие к себе, поляк – к себе, пошел по кругу. Увидев с другой стороны Друцкого, взмахнул мечом. Князь принял удар на скрещенные клинки, одним движением увел вражеское лезвие от себя вбок, другим – попал в верхушку кирасы. Острие скользнуло по броне и ушло глубоко под латный ворот. Щит наконец-то упал, новик прыгнул на него, рванул бердыш за подток, выворачивая из деревяшки, снова подскочил к щели и присел на колени, выставив оружие вверх, – однако новых врагов из дыма пока не появлялось. За щиты прорвались всего четверо поганых, и все уже были мертвы. Правда, и холопов стало на одного меньше – у крайнего щита в луже крови лежал Егор.

– Ты бы телеги перед проходами поставил, – посоветовал княжич. – Тогда бы они так легко не заскакивали.

– Это верно, – тут же оценил простую, но эффективную идею Зверев. – Пахом, слышал?

– Счас сделаем, новик.

– А ты бы, княже, – повернулся к Федору Друцкому Андрей, – к холопам, что у табуна, скакал. Вон, конь как раз без седока.

– Ты куда меня посылаешь, боярин?! – моментально вспыхнул парень. – Ты как с князем разговариваешь?! Я же сказал, что здесь драться стану!

– Ты князь, я боярин, тебя послушают, меня нет, – указал пальцем за озеро Зверев. – Не видишь, сами они только драпать горазды? Их туда тысячи три точно убежало. Соберешь

холопов наших – сможешь разогнать схизматиков одним ударом. Ты князь или не князь? Тебе подчинятся. А я тут еще с час нервы поганым помотаю, на пару залпов меня хватит.

– Ага. – Такая постановка вопроса Друцкого устроила. – Ну ты держись, боярин Лисьин.

Он дохромал до скакуна, топчущегося рядом с мертвым ляхом, перехватил повод, поднялся в седло и тут же дал шпоры коню. Андрей повернулся к щитам. Холопы уже успели перекатить повозки, загородив ими четыре из семи щелей между щитами, и теперь торопливо перезаряжали «стволы». Про недавний страх перед огненным оружием, навязанным барчуком, они забыли начисто. Сейчас малочисленное укрепление можно было бы взять голыми руками, но схизматики, напуганные завесой свинцовой картечи и плохо понимающие, как действует огнестрельное оружие,⁶ на новую атаку так скоро не решались и ездили по разоренному лагерю, собирая копья. Впрочем, это не лишено было смысла. Ворвись они с пиками к Звереву с самого начала – перекололи бы всех, как энтомолог тараканов. С мечом и топором против пики особо не выстоишь. В лагере, возле шатра воеводы, тоже продолжалась свалка. Собравшиеся на совет князья да бояре так просто ляхам не дались.

Метрах в двухстах от подпертых слегами бревенчатых стен стояли трое поганых в позолоченных кирасах и что-то обсуждали, указывая в сторону новика. Андрей довольно хмыкнул, нашел на одной из телег завернутый в тряпицу пучок бронебойных стрел – с узкими, гранеными, похожими на кернер, наконечниками. Подобрал свой лук, немного постоял, сосредотачиваясь: на таком расстоянии навскидку не очень-то попадешь. Потом резко натянул тетиву...

Средний из ляхов откинулся на спину. Двое недоуменно уставились на него, и стрелу в бок тут же схлопотал еще один. Третий кинулся бежать, виляя из стороны в сторону, и новик потратил целых семь стрел, прежде чем попал ему меж лопаток. Падение врага вызвало среди холопов восторженные крики. Пищали были наконец-то заряжены, разнесены по позициям. Теперь в будущее смотреть можно было с уверенностью.

Зверев подошел к Глебу, осмотрел ногу.

– Пахом, у нас мох болотный есть?

– А на что тебе, боярин?

– Про раненого забыл? Чем быстрее рану закрыть, тем вернее от загноения спасем. Так есть у нас мох? Или порошок из ноготков? Или хотя бы мята?

Уроки Лютобора даром для Андрея не прошли. Он отлично знал, какие растения можно использовать в качестве естественного антисептика, какие для заговоров, а какие заменят надежный яд.

– Есть, есть мох сушеный, – спохватился дядька. – И тряпицы приготовлены. Ты не беспокойся, новик. Враз сделаем. И выдернем, и кровь остановим. Ты за погаными приглядывай, твое дело ратное.

– Приглядим...

Андрей вернулся к бойнице, наложил на тетиву стрелу, но ни одной цели пока не видел. Ближе трехсот метров поляки предусмотрительно не подходили. А стрелять на таком расстоянии хоть и можно, да только в движущуюся цель не попадешь.

Наконец схизматики стали выстраиваться для атаки: одетые в полный рыцарский доспех, с копьями наперевес воины выдвигались вперед, те же, что носили стеганки, куяки, кольчуги – прятались им за спины. Зверев усмехнулся и принялся метать в эту плотную толпу стрелы,

⁶ Среди малообразованных сказочников бродят слухи, что огнестрельное оружие пришло из Европы в Россию, а не наоборот. Между тем на Руси оно появилось раньше. В русских терминах, связанных с «огнестрелами», имеются китайские и тюркские слова, но нет европейских. В то время как стрельцы орудовали пищалью в одиночку – на Западе каждую фузею обслуживали три человека. И, наконец, Россия никогда не покупала пушек на Западе – а вот Европа вплоть до реформ Петра I закупала у России тысячи пушечных и мушкетных стволов в год. Свои «огнестрелы» в Европе сильно уступали русским по качеству. Так что бесплодность поляков в таком вопросе вполне объяснима: если на Руси только появились первые стрелки, в Европе их быть никак не могло.

особо даже не целясь. У поганых в строю упала одна лошадь, другая, третья... Разумеется, больше всех доставалось именно тем, кто стоял впереди – самым защищенным. Не выдержав такого побоища, ляхи начали разгоняться, толком не сомкнувшись и не отведя всех смердов назад. Андрей пустил еще пяток стрел, потом схватился за пищаль. Загрохотали выстрелы, перед простеньким укреплением поплыли густые белые клубы.

Лихорадочно опустошив практически наугад четыре ствола, новик схватился за бердыш, перебежал к крайней, неприкрытой щели. Щит содрогнулся, с внутренней стороны выглянул на полметра наконечник копья, рядом еще один, и еще. Кто-то за спиной Зверева закричал от боли, но сейчас у него не было времени оглядываться. Столкнувшись плечом с Рыкеном, он упер бердыш подтоком в землю, поднял острие вверх и вперед.

Тут же, разорвав пороховой дым, в проходе появился рыцарь – его скакун налетел грудью на острие, нанизавшись чуть не на полметра. Ноги коня подогнулись, он кувыркнулся через голову, а из седла вылетел одетый в серебристые, сверкающие доспехи схизматик. Выкатившись из-под телеги, к нему подскочил Никита, вогнал между ног, под кольчужную юбку, бердыш и метнулся обратно.

На место вывернутого из земли оружия Рыкень поставил свое и на него сразу напоролся новый враг. Андрей выдернул саблю, рубанул пролетающего мимо ляха по бездоспешной ноге, вернул клинок в ножны, подцепил с земли залитый кровью бердыш. Распрямляясь, резанул по шее очередного коня, появившегося в щели между бревенчатыми стенками, и отлетел на спину от удара щитом в грудь. На несколько секунд у него перехватило дыхание.

Словно в замедленном кино, Зверев увидел, как опрокидываются телеги, на которые налетают из дыма поляки, как падает пробитый копьем Рыкень, как отмахивается сразу от двух врагов прижатый к опрокинутому возку Пахом. При этом новик почему-то не слышал ни единого звука. Поляки один за другим проскакивали в щель и, не обращая внимания на лежащих воинов, уносились дальше, вперед. Потом перестали уноситься, закрутились на месте. На истоптанную землю, задев новику ухо, опустилось конское копыто – и к нему так же неожиданно, как пропал, вернулся слух.

Зверев выхватил саблю, поднялся, снизу вдоль седла ударил гарцующего над головой поляка в живот, рванул его за руку, выкидывая умирающего на землю, поставил ногу в стремя, но подняться не успел – польская конница пришла в движение, лошадь попятилась, толкая его назад. Андрей попытался ухватиться за луку седла, но окровавленные ладони соскользнули с гладкого дерева, он опять упал и, пока не затоптали, на четвереньках перебежал к ближней телеге, юркнул за нее. Здесь, между щитом и колесами, выжидали Пахом, Никита и Глеб.

– Жив, новик?! – обрадовался дядька. – А я уж думал, сгинул ты середь поганых. Больно много их случилось. Да ты весь в крови!

– В конской, – тяжело выдохнул Андрей. Он вытер о траву саблю, убрал в ножны, а к себе придвинул чей-то брошенный между стенками бердыш. – Это не сеча, а скотобойня какая-то. На каждого убитого человека по пять лошадиных трупов получается. Вон, все тушами завалено.

– На то они Богом и созданы, чтобы и труд, и смерть человечьи себе забирать, – пожал плечами Белый. – Ты точно не поранен? Может, сгоряча не чуешь?

– Потом посмотрим. Мы тут долго сидеть-то будем?

– Что проку от пеших в конной толпе?

– Пару ляхов зарежем, и то доброе дело. А, Пахом?

Но тут телега содрогнулась, поползла на щиты, ударились в них. Слеги шлепнулись на траву, стены повалились наружу, а следом, накрывая людей, опрокинулась на колеса телега. Поганые с таким же азартом, с каким недавно атаковали укрепление, теперь скакали прочь. А следом с веселым посвистом неслись в остроконечных шишаках, с закатанными выше локтя

рукавами, сверкая на солнце обнаженными сабельными клинками, русские ратники. Похоже, князю Федору Друцкому удалось-таки собрать холопов для ответного удара.

– Вот теперь точно не вылезу, – сообщил Белый. – Коли свои стопчут, то вдвойне обидно получится.

Впрочем, атакующие сотни прошли довольно быстро. Зверев и холопы вылезли из-под телеги, глядя им вслед. Сразу стало ясно: сеча закончилась. Ляхи, которые осаждали воеводский шатер, поняли, что рискуют оказаться между молотом и наковальней, а потому предпочли уйти в сторону Острова еще до того, как столкнулись со свежими русскими силами. Преследовать их никто не стал – и так людям за день крепко досталось.

Рядом с новиком осталось всего семеро холопов. Трое вместе с ним под телегой отсиживались, еще столько же – под другой, да смешливый безбородый Шамша – под третьей. Искать остальных было бесполезно: земля вокруг оказалась настолько истоптана, изрыта копытами, что раненого, упавшего на землю, неизбежно перемесило бы, как в мясорубке. Как Андрей сам ухитрился вовремя выскочить – просто чудо.

– Никита, оружие наше соберите, – указал новик. – Пищали, бердыши. И людей... Тоже.

Сам он, помахивая коричневым от крови и пыли стальным полумесяцем, то и дело перепрыгивая мертвые тела, поспешил к шатру. Ляхам все-таки удалось собрать богатую жатву. На каждого убитого поганого приходилось по пять, а то и шесть мертвых ратников. И даже если пищальная картечь выкосила больше сотни схизматиков – счет все равно оставался в их пользу.

– Ничего, еще сочтемся, – негромко пообещал Зверев погибшим. – Отольются мышке кошкины слезы.

В отличие от всех остальных, он знал, что через пару столетий такая страна, как Польша, просто исчезнет с карты мира и надолго перестанет тревожить своего великого восточного соседа. Но сейчас... Сейчас, судя по всему, русские потеряли не меньше трети воинов.

Навстречу новику от шатра расходились усталые, забрызганные кровью бояре. Некоторые хромали, кого-то приходилось вести под руки. Андрей с напряжением всматривался в лица, пока, наконец, не углядел впереди знакомый шлем:

– Отец! – кинулся он к Василию Ярославовичу. – Отец, ты жив? Ты цел?

– Ништо, сынок, – с трудом улыбнулся Лисьин. – Отбились. Ты-то сам как? Господи боже, да что с тобой? Ты, никак, в одиночку со всею ратью поганой бился?

– Нет, холопы помогали, – не заметил шутливого тона Андрей.

– Ты же весь... Бог мой, да ты не ранен ли? Как же ты так?

– Прости, отец, но половину холопов я загубил...

– Ты сам-то, сам цел ли?

– Говорю же, цел, отец. Что ты все время переспрашиваешь?

– Ты на куяк свой посмотри!

– А что? – опустил голову Андрей. – Ну грязный...

– Идем к холопам, там и полюбуйшься.

Они не спеша дошли до телег, там Василий Ярославович велел сыну снять куяк – и только тогда новик понял его тревогу. Из нашитых на овчину стальных чешуек немалая часть оказалась срезана, многие выгнуты, прямыми линиями отмечая пропущенные владельцем удары. В трех местах броня и вовсе была прорублена насквозь, через пластины и кожаную основу – только поддетая снизу, под бронированной меховой жилеткой, ширококолычатая байдана спасла Андрея от настоящих, кровавых ран.

– Будет в усадьбе Прохору работа пластины на новую основу перешивать, – сделал вывод боярин и повесил изувеченный доспех на оглоблю. – Славно потрудилась броня, за такую дядьке отдельная благодарность будет. Да, Белый?

– Благодарствую на добром слове, боярин, – поклонился холоп.

Василий Ярославович прошел вдоль тел, сложенных возле телег, нахмурился, снял шелом, перекрестился с поклоном:

– Спасибо вам, други, за доблесть вашу. Покойтесь с миром. Как вернемся – за всех и каждого службу закажу. За святое дело живот свой сложили, за землю русскую, за отчину нашу, за веру истинную. Пахом, раненых много?

– У Глеба стрела в ногу попала, батюшка Василий Ярославович, да Шамше, похоже, пару ребер сломали. Дохает постоянно, каждый раз от боли вскрикивает. Кольчугу, поганые, видать, не прорубили, но приложили изрядно.

– Ну хоть вы при мне остались, и то ладно. Шамшу с Глебом на возке в усадьбу отправьте, когда погибших сложите. Земля тут наша, ляхов бояться ни к чему – доедут. Ан накрошили вы схизматиков изрядно... Как же удалось?

– Новик все придумал, – кивнул на Зверева дядька. – Стены мы расставили. Вроде города маленького, гуляющего получилось. А как ляхи поскакали – мы в этом гуляй-городе укрылись, с пищалей по ним палили, да тех, кто прорваться смог, там рубили. Сам знаешь, боярин. В городе – оно обороняться сподручнее выходит. Вот мы и оборонились.

– Вот оно, значит, как ты замыслил, сын, – прошел вокруг единственного устоявшего щита Василий Ярославович. – Вот они какие, твои танки. Гуляющий город, стало быть, придумал. Хитро...

– Боюсь только, отец, порох мы весь спалили, – развел руками Андрей. – В Москве, сам помнишь, ты токмо один мешочек, на пробу, купить решился. А тут сегодня такая рубка завязалась, что мы этот мешок почти до конца и вычерпали.

– Еще купим, Андрей. Коли дело ладное выходит, то отчего и не купить? Надо же, как вы выстояли-то... Да, ради такого можно серебро и растрясти. И в усадьбе пару таких пищалей на стену поставить.

– Я про другое думаю, отец. Если поляков сорок тысяч, а нас втрое меньше, то не могут ли они снова на нас напасть? Ведь место нашего лагеря им теперь известно!

– Оно, конечно, верно, сынок. Да токмо, коли на нас ляхи двинут, дружина, что в Острове тоже немалая, в спину им ударит. Станут ли рисковать?

– Их же сорок тысяч! Разделят свои силы пополам. Часть под городом останется, часть на нас пойдет. Все равно их вдвое больше получается!

– Ежели подступят, то сражаться станем. Коли их всего вдвое больше – не первый раз бить таких доведется. С нами ведь Бог, Андрей, он нам и силы, и защиту свою дает. Ляхи же к Сатане давно переметнулись, бесовскими молитвами прикрываются. А какая от бесов сила? Токмо срам один!

– На Бога надейся, а сам не плошай.

– Понимаю я тебя, сынок, понимаю. Нам ныне хорошо самим на схизматиков безбожных ударить, их лагерь разорить, показать Острову, что помощь подошла. Да токмо поперва свои раны зализать надобно. Разобраться, кто цел, а у кого всех людишек побили начисто. Раненых перевязать, в имения отпустить, да и убитых тоже в родные отчины отправить. Не готовы мы ныне к новой сече.

– Здесь ли ты, Василий Ярославович? – окликнули из-за щита боярина. – Дозволь в крепость твою войти.

– То не моя твердыня, Лука Юрьевич, – вскинулся Лисин. – То сына моего твердыня. Это новик мой тут с десятью холопами супротив тысячи поганых держался!

– С пятнадцатью, – поправил его Андрей. – Еще князь Федор Друцкий нам помогал.

– Про князя я ведаю, – обошел бревенчатую стену седобородый остроносый старец, одетый поверх вороненой кольчуги в наведенное серебром зеркало: диск с оскаленной львиной пастью па солнечном сплетении, две высокие пластины на боках и короткие наручи от запястья

до локтя. – Княжич уже доложил, как с холопами до шатра моего дошел. А про тебя, отрок, пока только сказки я слышал.

– Какие сказки? – обиделся Зверев. – Вон, тушки польские между лагерем и моими щитами валяются. Сами считайте.

– Ты язык-то окороти, – негромко потребовал боярин Лисьин. – То воевода князь Чевкин к тебе обращается. А за ним, в бахтерце, чернобородый с карими глазами – то князь Воротынский, Михаил Иванович. Отец его еще полста лет назад из Литовского княжества к Москве отъехал. Вон тот витязь, курчавый, в алой епанче – то князь Глинский Михайло, они из Литвы безбожной двадцать лет как к Москве ушли. Четвертый же, голубоглазый, – то князь Барбашин, Василий Иванович...

– Да, отрок, одни князья к тебе в гости пожаловали, – усмехнулся старик, расслышав шепот Василия Ярославовича. – Мыслью, горяч ты еще после битвы смертной, оттого и дерзок. Посему зла пока не держу. Однако же всем нам глянуть zelo любопытно, как мальчик совсем юный чуть не один рать большую придержать сумел...

Воевода похлопал рукой по бревенчатой стенке, по следе, на которую она опиралась, хмыкнул:

– Стало быть, двадцать бревен, две подпорки и готова крепость? Вот уж удивил так удивил. Всякого я за жизнь свою навидался, ан такого не встречал. Стену такую ведь ткни сильнее она и свалится!

– А город не стеною крепок, князь. Он людьми крепок, что стену защищают, повторил Андрей многократно слышанные от боярина и от дядьки слова. – Чтобы ее ткнуть, сперва к ней подойти надобно. А кто же это позволит? Я за утро целый мешок пороха расстрелял да свинца втрое больше. Восемнадцать пищалей, в каждую по два десятка картечин закатывал. Четыреста пуль в залпе. А кто из ляхов после этого прорывался, тех уж бердышами добивали. Пахом, покажи князьям огнестрелы наши!

– Не просто город, а гуляющий город, – добавил Василий Ярославович. – На телегу по паре таких стен бросить можно, перевезти, да в другое место поставить. Сын сказывал, «танком» такая хитрость называется.

– Пищальями, говоришь, отбивался? – Лука Юрьевич принял от дядьки тяжелый, еще горячий «ствол», взвесил в руке, кивнул. – Знаем мы сие баловство. Да токмо лук – он ведь впятеро дальше по ворогу бьет. Какая же от тяжести подобной в поле польза? Тебя же стрелами забросают, пока ты для пальбы своей подойдешь!

– Когда атакуешь, пользы никакой, – признал Зверев. – А вот когда отбиваешься... Раз схизматикам за стены зайти приспичило, то им пришлось сближаться. Тут мы их пищальями и тормознули. А что до стрел – то мы с холопами от них за щиты эти спрятались, и все дела. Как ляхи в атаку шли – мы их били. А пока они нас бить пытались, мы от них прятались.

– Хитро удумено, хитро... – Воевода опять взял в руки пищаль. – Ты глянь, и из такой безделицы, оказывается, пользу получить можно, коли с умом подойти. А, Василий Иванович? Что скажешь?

– Мыслью я, Лука Юрьевич, – кивнул князь Барбашин, – надо бы нам холопов вон в тот осинник послать да велеть им щитов для такого гуляй-города хоть полста штук сколотить и округ нашего лагеря поставить. А ну вернутся ляхи? Мы же ныне к сече не готовы. Так хоть за стенами отсидимся-отобьемся.

– Ан и я о том же задумался, – кивнул воевода.

– А это у тебя что за штука такая, отрок? – указал князь Михайло Воротынский на прислоненный к оглобле с посеченным куюком бердыш.

⁷ Сказки в прежнем значении слова – отгол не вранье, а доклад, документ, отчет. Забавно звучит для современного уха: «Ревизорские сказки о подушной переписи».

– Это то, чем мы прорвавшихся ляхов били, – взял оружие в руки Андрей. – Коли против конного дерешься – то вот так, подток в землю, острие наверх, лошадь сама брюхом напарывается. Коли враг дальше сажени стоит – то его кончиком, как рогатиной, колоть можно или рубить с замаха, как топором. Когда с разных сторон подступают – влево острием колешь, вправо подтоком, тех, что спереди, лезвием режешь. В ближнем бою можно под обух и за косицу перехватить, прямо перед грудью держать да как саблей резаться. Лезвие широкое, большое. Коли под стрелами окажешься, то им прикрыться можно. Хоть грудь и голову спасти. Ну а с седла лезвием таким изогнутым даже удобнее, чем саблей, рубить. Я назвал это оружие бердышом.

Зверев протянул хитрое изобретение князю. Тот покрутил оружие в руках, подержал ближним и дальним хватом, сделал несколько выпадов, рубанул воздух...

– Да, штука занятная. Надо бы и мне для своих холопов с десятков таких на пробу отковать. Не обидишься?

– Конечно, куйте. Одну ведь землю защищаем, чего считать?

– Крюком каким зацепить, – толкнул бревенчатый щит князь Глинский, – конем дернуть, он и свалится. А кошку железную с седла метнуть нетрудно.

– Нужно сильнее вовнутрь его отклонить, – пожал плечами Зверев. – Стенки бревенчатые, тяжелые, наружу так просто не вывернешь. А изнутри подпереть – только крепче стоять будут. И от стрел, что навесом брошены, под наклоненным щитом прятаться удобнее.

– А зачем проходы такие оставлены между стенами?

– Стрелять не только через бойницы, но и через них можно, – с ходу сымпровизировал Андрей. – Опять же в контратаку выходить удобно, конницу на врага после залпа выпускать.

– Ну ты глянь, каков удалец, обо всем подумал! – похвалил новика воевода. – А вывод наш таков. Немедля каждому боярину по два холопа в лес отослать да подобных щитов по одному на двух помещиков сколотить. И огородить ими наш лагерь по кругу. Выполнять немедленно! А то как бы ляхи нового набега не удумали. Расходитесь по полкам своим, князья, да детям боярским сей наказ раздавайте!

Русские люди к топору и дереву привычны. Умелый плотник сруб за день поставит – а тут всего щит из тонких бревнышек сколотить. Не прошло и двух часов, как вокруг воинского стана стали появляться бревенчатые стены, сильно наклоненные назад и подпертые каждая двумя слегами. Между отдельными стенками оставлялся проход в два шага, так что перемещаться из лагеря и обратно было по-прежнему нетрудно.

Боярину Лисьину ничего сколачивать не требовалось, но у него и без того хватало хлопот. Последнюю честь павшим отдать, снарядить их домой вместе с ранеными, да и кое-что из добычи, с ляхов снятой, тоже в усадьбу отослать хотелось. На кострах обильно жарилось парное мясо – но оно не доставляло воинам радости. Скакунов, коих полегло куда больше, нежели ратников, было жалко, как жалко и труда, и добра, что теперь приходилось закапывать в ямы: ведь лето на дворе, пары дней не пройдет, как тухнуть все начнет.

Убитых поляков пока сложили в стороне – за их телами могли прийти друзья или родственники. Можно выкуп спросить, а то и просто отдать. Так, из жалости. И чтобы самим копать поменьше.

В общем, работы в лагере оказалось изрядно, всю за день и не выполнишь. Потому-то Андрею было совсем не до происходящего вокруг, и он изрядно удивился, когда незнакомый холоп с предельной вежливостью пригласил его к шатру воеводы.

На воинский стан уже опустились поздние летние сумерки. Впрочем, сотни костров давали достаточно света, чтобы не спотыкаться об уже отдыхающих или заканчивающих ужин воинов. Три больших костра горели и перед обширным шатром князя Чевкина. Походный дом воеводы, освещенный изнутри свечами, был двойным. В глубине виднелась отгороженная тяжелыми войлочными кошмами часть вероятно, покои хозяина, теплый уголок. Поверх

оного, растянутый на двух столбах, колыхался парусиновый навес метров пятнадцати в длину и около десяти в ширину. Однако даже такие размеры не позволяли вместить примерно две сотни князей и бояр, собравшихся на новый совет, а потому полог шатра спереди был откинут, и седобородый воевода сидел под ним на кресле, словно под балдахинном.

«Это хорошо, что только бояр Лука Юрьевич собирает, – мысленно отметил Зверев. – Позови он еще и детей боярских, так и вовсе было бы не протолкнуться».

Детьми боярскими были отнюдь не родственники князей и богатых бояр, а служивые люди менее знатные. Хотя порой и более родовитые, нежели хозяева, но обнищавшие. Помещики, имевшие избыток земли, с которого обязаны выставлять воинов, очень часто, дабы не заниматься всеми мелочами в одиночку, сажали на дальние деревни или далеко оторванные уделы кого-то из дальних родственников или знакомых, и те отвечали за службу уже не перед государем, а перед своим хозяином. Не холопы, конечно же, – но и не ровня обычным боярам. Если князь Друцкий выморочным своим делом сумеет все же отсудить имение бояр Лисьиных себе, то Василий Ярославович тоже рискует стать таким, «сыном боярским». Не вольным человеком, отвечающим за себя токмо перед Богом и государем, а частью свиты княжеской. Куда Друцкие пошлют, туда и мчаться. Что прикажут, то и делать. А куда денешься? Усадьбу, обжитое поместье так просто ведь не бросишь!

– Иди сюда, отрок, – подманил Зверева воевода. – Ну-ка, скажи мне честно, какую весну свою отмечаешь?

– Мне скоро уже шестнадцать стукнет.

– Шестнадцать... – кивнул старый князь. – Стало быть, уже взрослый воин. Государю нашему, Ивану Васильевичу, ровесник. Однако же средь нас ты самый юный из бояр будешь, хотя отвагой, удалью своей молодецкой ты покрасоваться уже успел. Посему, по обычаю, хочу у тебя, как у самого младшего, совета в важном деле спросить. Спор у нас ныне вышел меж боярами. Иные требуют немедля на подмогу Острову идти, крепость нашу от осады освободить. Другие указывают, что крепость крепка, ляхам ее не одолеть. А вот мы после сечи слабы, супротив схизматиков одному на четырех стоять придется. И они тоже правы, ибо понапрасну, без надежды на успех, кровь христианскую проливать грешно. Вот и скажи нам свое суждение. Идти ли нам на поганых – али затаиться, пути к Лукам Великим им перекрыв, и новых сил в помощь из Москвы дожидаться?

– Конечно, вперед двигать! Бить каждого, кто на нашу землю покуситься пытается!

– Иного ответа я от тебя и не ждал, отрок, – пригладил белую бороду воевода. – Но вот сомнения у нас есть: удастся ли хитрость твою, гуляй-город, супротив ляхов в новой битве использовать? Дозоры сказывали, перед рекой, напротив Острова, они стан свой возвели. Ближе пары верст до них незаметно не подкрасться.

– А зачем незаметно? – Андрей пожал плечами, необычайно легкими без испорченного куяка. – Ставить гуляй-город легко и быстро. Выкатятся телеги, разъедутся полукругом. Щит деревянный с них на землю скинуть да слагами подпереть – минутное дело. Поляки и мяукнуть не успеют, как мы укрепление в версте от них поставим. А там посмотрим. Коли сунутся, у меня пороха еще на два залпа осталось. А нет – тогда мы их навестим...

– Нешто они так смотреть и станут, как ты рядом укрепляешься! – перебил новика стоящий за креслом князь Михайло Глинский. – Тут же и снесут!

– Не снесут. У них ведь тоже лошади в лагере не пасутся. Пока этим кавалерам коней подведут, да пока снарядят, не меньше получаса пройдет. Мы за это время успеем засесть прочно. А что до малых отрядов, дозоров да прикрытия – то вместо них можно своих детей боярских выслать. Они поначалу врага отгонят, а потом сами под прикрытия гуляй-города уйдут.

– Вот и я так говорю! – довольно хлопнул кулаком в ладонь князь Воротынский. – Что нам за стенами их числа бояться? От конной лавы польза – когда она массой всей налетит да

ворога слабого в пыль земную стопчет. А в стены бревенчатые биться – проку от нее никакой. Наши луки вдвое дальше бьют, смерды же у ляхов бездоспешные. Побьем всех, пока числом не сравняемся. А там и рогатинами ударим.

– Быть посему, – решительно подвел итог воевода. – Михайло Воротынского воеводой головного полка с сего часа назначаю, а боярина Лисына с сыном и холопами направляю ему в помощь. Коли так уверены в баловстве своем, так вам с ним и скоморошничать. Выступайте завтра на рассвете, вслед за дозорами. А прочие полки и обоз к обеду подтянутся. Да благословит вас Господь!

* * *

Вообще-то атаку деревянных танков Зверев представлял совсем иначе, но вариант гуляй-города оказался в чем-то даже лучше. Бревенчатый ящик на колесах с лошадьёю и людьми внутри имел скорость и маневренность сонной черепахи. Телеги же, на каждой из которых лежало по два щита, катились очень даже ходко. Отдохнувшие лошади разгоняли их, пожалуй, километров до пятнадцати в час.

Первым на рассвете ушел вперед передовой полк под рукой князя Воротынского. Боярские дети, идя на рысях, с рогатинами наперевес, легко сбивали малочисленные польские дозоры и расчищали путь длинному обозу. Схизматики даже не пытались вступить в безнадежную схватку и лишь следили издали за продвижением врага. Скорее всего, в стане агрессора уже поднялась тревога, но пока еще это не имело никакого значения. Ведь средневековый воин – это не автоматчик, который АКМ схватил и к бою готов. У него зачастую вообще доспехи сняты: рыцарский железный «костюмчик» жесткий, в нем дышать невозможно. К тому же, даже при толщине брони всего в миллиметр, весит такое железо заметно больше двух пудов – особо не побегаешь. Стало быть, без коня не повоюешь. А его еще привести из табуна надобно, оседлать, коли налегке скакун бегал... Телеги за это время не то, что пять верст – все пятнадцать прокатятся.

Приотстав от головного полка минуты на три, Андрей с повозками миновал озеро, поднялся на пологий взгорок, с которого оказались видны вдалеке высокие крепостные башни Острова, скатился вниз, пересек довольно бурную из-за недавней весны речушку Веретье – летом, сказывали, в ней воробей лапы не замочит, а тут чуть не по колено вода поднялась. За рекой новик опять въехал на взгорок и теперь уже увидел примерно в трех километрах широкий польский лагерь, заставленный белоснежными полотняными шатрами. Там царил суета, беготня. Перед станом выстраивались пешие смерды, над головами у них колыхались, точно ветки болотного кустарника, тонкие черные копья. Видать, готовились удержать русскую конницу. Однако боярские дети, остановившись от вражеского лагеря примерно в полукилометре, принялись лениво забрасывать их пехотными стрелами с характерными широкими, поблескивающими на солнце, наконечниками.

Проехав еще с километр, Зверев оказался посреди распаханного и забороненного поля, на котором уже пробивались молоденькие светло-зеленые ростки, и махнул рукой холопам:

– Давайте через одного – один за мной, один за боярином...

Он свернул влево на поле, Василий Ярославович – вправо. Телеги, подпрыгивая на земляных кочках, начали разъезжаться в стороны. У поросшего молодыми березами овражка новик опять повернул на север, к противнику, и когда овраг вильнул в сторону, по широкой дуге направился обратно к дороге. Выехав на грунтовку, махнул рукой:

– Ставь!

Холопы, спрыгнув с облучков, принялись устанавливать бревенчатые стены: разобравшись по четверо, сталкивали их с телег, а когда щиты падали краем вниз, то подпирали верхнюю часть слагами, поднимали до наклона примерно на семьдесят градусов к стене, втыкали

комли палок в землю и перебежали к следующей телеге. Получалось не так быстро, как хотелось бы, но стена гуляй-города росла на глазах, счет шел на минуты. Пять минут – и на поле поднялись стенок тридцать с десятиметровыми просветами между ними. Еще пять – зазоры сократились до пяти метров. Всего четверть часа – и в сторону Острова уже смотрел бойницами натуральный острог, пусть не очень высокий и не имеющий сплошной стены.

– Пахом, пищали готовы! – Андрей спешился у щита, что стоял слева от дороги, кинул повод коня на оглоблю, отпустил подруги.

– Проходы-то загородить, новик?

– Нет, не нужно. Коли головному полку трудно станет, он через щели эти к нам в укрепление уйдет.

В польском лагере и вправду готовились дать отпор русским ратникам. Кавалеры-князь-паны и шляхта рангом помельче наконец-то облачились в сверкающие доспехи, разобрали пики, сбились в плотную толпу и начали обходить свою пехоту, разгоняясь для таранного копейного удара.

– Эй, мужики! – крикнул Зверев чужим холопам, что переминались у своих щитов. – Рогатины свои разбирайте и у щелей, у бойниц вставляйте. Коли поганые за нашими погонятся, то как свои пройдут – в проходы копьа рожном ставьте, а через бойницы колите всех, кого достанете.

Сам новик, подсыпав на полку каждой пищали пороха и везде сунув в держатель замка уже запаленный дядькой фитиль, снял из-за спины бердыш, поставил рядом на расстоянии вытянутой руки, прильнул к бойнице. Головной полк с многократно превосходящими числом ляхами рубиться не стал – витязи, повернув коней и продолжая пускать стрелы из-за спины, помчались к гуляй-городу. Через пару минут они, уставшие, запыленные, проскочили меж щитами и отъехали в сторону. Многие поднялись на стремена, выискивая своих холопов.

– Стрелы, стрелы давайте! Стрелы! – звучало со всех сторон.

Поганые таранить бревенчатые щиты красивыми длинными лэнсами не стали, прорываться через узкие проходы не рискнули. Сила тяжелой конницы – это один-единственный слитный удар, который сносит, затаптывает врага, подавляет волю, вызывает смертный ужас, внушая бессилие перед неуязвимым противником. Пробиваться же во вражеский стан по одному, рубиться там с ловкими, быстрыми русскими на равных рыцари не рискнули. Тяжелый доспех к долгому бою не располагает. Человек – не машина, он имеет неприятную склонность уставать и выдыхаться.

Слева вражеские всадники неосторожно приблизились к щитам метров на сто пятьдесят – Зверев тут же повернул туда ствол, нажал спуск. Пищаль с оглушительным грохотом выплюнула облако дыма, три коня упали вместе с рыцарями, остальные ляхи поспешили отъехать подальше.

Через мгновение грохнула пищаль справа от дороги, но там картечь достала только одного схизматика. Однако тут в бой опять вступили бояре, успевшие наполнить колчаны стрелами, принялись через щиты стрелять в противника, одну за другой выбивая из-под седел лошадей. Поганые отошли еще дальше, потом еще – теперь уже русские витязи начали напирать, выезжая в поле через проходы гуляй-города. Медленное отступление длилось больше часа и стоило жизни примерно полтора сотням лошадей. Из шляхты, судя по всему, не пострадал никто.

Оказавшись уже совсем рядом с пехотой, поляки еще раз попытались начать битву, по сигналу горна опустив копьа и ринувшись на русских, – но бояре снова стремительно умчались под прикрытием гуляй-города пополнять колчаны, а Зверев шуганул поганых парой выстрелов, не нашедших для себя жертвы, но заставивших ляхов держаться подальше. Опять защелкали тетивы луков, посылая в гущу врагов летающих вестниц смерти. Полторы тысячи детей боярских, у каждого в колчане по сотне стрел, каждый эти колчаны уже три раза успел поменять

или наполнить у холопов на телегах... Не меньше четверти миллиона стрел успело за утро обрушиться на польскую конницу и прикрывающую лагерь пехоту.

Схизматиков перед гуляй-городом было, конечно же, намного меньше, нежели собрал Сигизмунд для наступления на Остров, от силы тысяч десять. И хотя из десяти стрел цель находила только одна, хотя от смертельных попаданий полегло всего несколько сотен скакунов – но больше чем у половины находящихся под седлом польских коней уже сидело в теле хотя бы по одной стреле. У кого в крупе, у кого в шее, у кого в плече. Стальные наконечники причиняли боль скакунам, напоминая о себе при каждом шаге, заставляя несчастных животных сбавлять шаг, не слушаться шпор и поводьев.

Схизматикам на такой напор ответить было нечем: лук никогда не входил в состав рыцарского вооружения. Подводить же лучников из лагеря – значило отдать их на расстрел более умелыми русскими стрелками; значило прикрывать их своими телами, продолжая стоять под ливнем остро отточенных граненых наконечников. Поляки предпочли снова отступить – и опять дети боярские потянулись вслед за ними, продолжая донимать стрелами.⁸

По дороге мимо Зверева проехал князь Воротынский, подмигнул с седла:

– Ну что, новик? Получается поганых твоей хитростью бить?

– Даже скучно, Михаил Иванович. Бердыша в руки ни разу не брал.

– Ты погоди, может статься, дойдем ляхов, и на бердыш твой полезут...

Воевода головного полка взмахнул плетью и поскакал нагонять своих воинов.

– Не устал, сынок? – окликнул Андрея через дорогу боярин Лисьин.

– Чего уставать, отец? – развел руками Зверев. – Что мы делаем?

– Ты глянь, полки правой руки подходят, воеводы Чевкина. Мыслью, коли силы у нас новые появились, может, холопам указать костер покамест развести? С утра ведь не снедали. А чего сухомяткой питаться, коли мясо парное кругом лежит?

– Вот именно, – сплюнул новик. – Битва называется. Не о враге больше заботишься, а о том, чем брюхо в обед забить. Ладно, пусть парного запекут, коли дров найти смогут.

– У оврага для костра место найдется. А пока рать вся не подошла, то и дрова собрать еще получится.

Битва тем временем продолжалась с той активностью, что сравнима разве с пылом маляра, работающего после бутылки водки. В воздухе часто мелькали стрелы – но опустошать колчаны боярские дети не спешили, долго приглядываясь к врагу перед каждым выстрелом. Поляки опять отступили чуть не до самого своего лагеря, оставив на траве с полсотни бьющихся в предсмертных судорогах скакунов и ни одного человека. Их смерды продолжали стоять, выставив перед собой щиты и подняв к небу копыя. Среди этих бездеспешных бедолаг раненых и убитых было наверняка не меньше, чем среди лошадей – но в неподвижном строю это не так замечалось. По дороге от русского лагеря вяло, без особой спешки, подтягивались основные силы: бояре, князья, холопы спешивались, подходили к бойницам, наблюдали за происходящим. Андрей подумал, что и вправду может спокойно пообедать – и совершенно ничего не потеряет.

– По коням! По коням! – внезапно призвал всех витязей клич рассыльных, раздалось пение медных труб.

У польского лагеря схизматики опять затеяли копейную атаку, заставив головной полк повернуть назад, и Зверев напрягся, ожидая, что сейчас произойдет что-то интересное. Ему даже захотелось вместе со всеми подняться в седло, взяться за рогатину и, опустив ее перед собой, помчаться в лихую атаку... Но – увы, пока что ему следовало оставаться рядом с «огне-стрелами». На сегодня он был едва ли не единственным в русской рати, кто понимал, как лучше использовать это громогласное оружие.

⁸ Специалисты утверждают, что такой тактикой иногда удавалось совершенно лишить противника конницы.

В проходы между щитами стали заскакивать уставшие за день, запыленные бояре головного полка, которые сразу проезжали к своим холопам – где чьи телеги, все уже успели запомнить. И вот тут поляков встретил неожиданный сюрприз: из-за щитов гуляй-города по ним ударили не полторы тысячи вымотавшихся за столько часов лучников, а несколько тысяч свежих стрелков. Лошади поганых начали скатываться с копыт, словно налетали на натянутую над землей стальную проволоку, многих всадников в толчее, похоже, даже затоптали. Схизматики резко отвернули назад, а вслед за ними, с веселым залихватским посвистом и криками «Урра-а-а!!!» из-за стен укрепления начали выхлестывать русские сотни.

В такой ситуации тоже порядком уставшие ляхи встречать врага не стали, а погнали во весь опор к лагерю, перед самой пехотой расступились, обходя копейщиков справа и слева. Смерды опустили пики, а русские ратники... отвернули вправо, осыпая их стрелами. Хотя пехотинцы и прятались за щиты, некоторых из них смерть все-таки достала. Только из первого ряда упали человек двадцать, не меньше. Правда, полтора десятка из них поднялись и кто ползком, а кто и на ногах, прихрамывая, стали пробираться вдоль строя, торопясь уйти с поля возможной сечи. С левой стороны, из-за лагеря, на смену уставшей коннице подходили новые тысячи. Осторожный Лука Юрьевич до столкновения дело доводить не стал – едва ляхи начали разгоняться для копейного удара, ратники развернулись и ушли к гуляй-городу.

И опять несколько пустых выстрелов из пищалей, сделанных чисто для острастки, и затем ливень стрел заставили схизматиков отступить, потом дальше и дальше – пока русские опять не вышли вперед, продолжая забрасывать врага из луков на предельно возможной дистанции.

Поляки, судя по всему, не очень понимали, как поступить со странным укреплением, к тому же огрызающимся огнем и стрелами. Бросить на него конницу? Но всадники не способны штурмовать крепости, у них нет ни лестниц, ни веревок. Коннице нужен простор, это оружие для поля боя, оно не умеет проламывать деревянные стены. Послать на штурм пехоту? Но из-за щитов странного укрепления в любой момент может вылететь тяжелая кованая конница, которая легко перебьет пеших врагов. Обычные крепости такого фокуса не выкидывают. Скорее всего, поганые хотели теперь только одного – передышки, возможности подумать и подготовиться для решительного боя. Но как раз этого поместное ополчение им и не позволяло. На захватчиков непрерывно сыпались стрелы. И тогда, когда они наступали, и когда бежали, и когда стояли, и когда хотели отдохнуть. Избавиться от такого натиска, разогнать лучников или навязать ближний бой поляки, благодаря изобретению новика из рода бояр Лисьиных, никак не могли.

Врагов развела только ночь. В опустившемся мраке смертельные маневры обеим сторонам пришлось остановить. А утром ратники увидели, что незваные гости сворачивают лагерь, и длинный обоз уже ползет в сторону совсем близкого Литовского княжества. Вести осаду мощной крепости, имея на боку крупный вражеский отряд, вцепившийся чуть не в мясо крепкой бульдожьей хваткой, польский воевода не рискнул. Под прикрытием пятитысячного, закованного в железо полка обоз ушел, к полудню вовсе скрывшись из глаз. А следом пригородные поля оставил и арьергард. За ляхами поскакали русские дозоры, следя, чтобы те не выкинули какой-нибудь подлости, но было ясно, что очередная порубежная стычка закончилась. Помещики могли возвращаться по домам.

Ночь полной Луны

Входящих в усадьбу ратников встречали восторженными криками, цветами и поцелуями. Звереву тоже один достался – от «мамы», Лисьиной Ольги Юрьевны. Хотя отряд холопов поредел почти вдвое, но с собой погибших и раненых боярин не вез, а потому поводов для плача и причитаний не нашлось. Павшие были уже оплаканы, отпеты и похоронены. Ныне же настало время радости и пира. Тем более что вернулись воины не просто из похода – пришли победителями, с добычей. Из взятого на поляках после первой сечи добра четверть, по общему боярскому решению, досталась новику Лисьину. Еще четверть – княжичу Федору Друцкому. Ну а уж остальное – между всеми прочими делили. Так что на телегах, поверх оставшихся припасов или щитов от несостоявшихся деревянных танков, лежали для всеобщего обозрения прочно увязанные кирасы, мечи, поножи и наручи, шлемы – все то, что потом под ударами кузнечного молота превратится в лемехи и косы, в ножи и петли. А коли железо хорошим окажется – то и в кольчуги, пищали, ерихонки, Для сабель и бердышей, само собой, хорошая сталь требовалась, булатная – такая, что слишком дорога даже для доспеха, от которого порой жизнь зависит. Еще от ляхов новику досталось полсотни седел, ремни, упряжь, меховые и полотняные плащи. Будет в чем холопам и дворне пощеголять в праздничные дни, в чем выехать в город или в гости в другую деревню. В одеждах дорогих, панских да княжеских. Да и то слово – не носить же боярам одежку с чужого плеча?! А продать из того, что на поле боя полежало, далеко не все потом можно...

– Ты не поверишь, матушка, как дитя наше в сече отличилось, – после первых же объятий, не успев осушить корца со сбитнем, сообщил боярин хозяйке. – Чуть не един все войско поганое возле озера Горохового держал! Полдня отбивал схизматиков, пока ратники наши после первого напора ляхского в себя приходили!

Женщина отпустила мужа, опять привлекла к себе сына, крепко обняла. Никакого восторга и радости во взгляде ее не читалось. Исходил лишь страх.

– Славно повеселились, матушка, – пытаюсь ее утешить, шепнул Андрей. – Не под юбкой же бабьей мужчине отсиживаться, когда враг на землю приходит? Смерд я – или боярин?

– Боярин, – тихо согласилась Ольга Юрьевна. – Боярин... Но ты еще и кровинушка моя... – Она отступила, провела ему ладонью по щеке, кивнула. – Да вы снимайте железо-то... В трапезной бабы стол накрывают, баня затоплена. Сейчас подкрепитесь маленько, да парок и поспеет.

Вслед за отцом новик вошел в дом, поднялся на второй этаж, принялся разоблачаться. Расстегнул пояс с оружием, повесил на специально вбитые в стену клинышки; впервые за много дней снял с плеч шелестящую байдану, что легла на сундук бесформенной кучей из толстых стальных колец размером с пятирублевую монету каждая, потом жаркий войлочный поддоспешник, толстые юфтевые сапоги, смотал портянки. Вытряхнул из рукава кистень, покачал в ладони и кинул обратно под локоть – без грузика на руке он чувствовал себя как-то непривычно. Тут дверь распахнулась, и в светелку со стопкой чистого белья на руках вбежала негромко напевающая Варя.

«Ну да, разумеется, – поморщился Зверев. – И так она от меня подальше старается держаться, так надо ей и притащиться именно тогда, когда от меня воняет, как от роты старых козлов. Нет чтобы после бани зайти!»

– Ой, простите, Андрей Васильевич, – наконец-то заметила его Варя. – Я вот... Хозяйка белье поменять велела.

– Я вижу, – кивнул новик. – Не бойся, я раздеваться не собираюсь. После парилки в чистое переоденусь. Хотя ты к тому времени все равно занята будешь...

– Нет, не буду. – Почему-то покраснев, холопка откинула с постели покрывало. – Праздник ведь, вы с батюшкой Василием Ярославовичем вернулись. Стало быть, работ сегодня более не будет.

– Правда? – не поверил своим ушам Андрей. – Так, может... Может, погуляем вечерком у озера?

– Как скажете, Андрей Васильевич, – облизнула губы девушка. – Я тогда после трапезы вечерней у колодца подожду. Посижу до первой луны. Ладно так будет?

– Еще как, Варенька! – не смог сдержать радости от неожиданного согласия Зверев. – Тогда до вечера. А сейчас, извини, мне бежать нужно. Сегодня без меня отец точно пира не начнет.

* * *

Заранее о возвращении боярина с холопами в усадьбе не знали, а потому угощение было простым. Потчевали тем, что просто из погреба достать и на стол поставить можно: копченая рыба, тушенная свинина, грибы соленые, огурцы маринованные, капуста квашеная, моченые яблоки. Ну и, естественно, хмельной мед, рейнское вино, горячий сбитень. Подкрепившись, воины отправились в баню. Пару часов они парились, поливая раскаленные камни пивом и его же употребляя внутрь, надраиваясь щелоком, довольно покрикивая от охлестываний березовыми и можжевельновыми вениками, смывая пот и щелок водой. Потом, переодевшись в чистые рубахи и порты, воины вернулись к столу. Теперь к прежним яствам прибавились печеные половинки куриц, разного рода уха: и рыбная, и яблочная, и сливовая, – нежная буженина, залитая густым коричневым соусом убоина.

Андрей посидел с сотоварищами около часа, хорошо подкрепился, но выпил полный кубок только два раза: когда за боярина здравицу кричали и когда за него самого. «Нарезаться» до полусмерти перед первым свиданием ему никак не хотелось. Зато остальные воины имели возможность оторваться «по полной» и, похоже, уже не очень обращали внимания, кто еще за столом держится, а кто сполз «отдыхать». Посему Зверев, не прощаясь, поднялся, отступил назад за скамью, быстрым шагом обошел стол вдоль стены и вскоре очутился за дверью.

На крыльце оказалось куда прохладнее, нежели в трапезной, солнце уже клонилось к горизонту – если так можно было назвать неровную линию сосновых вершин в стороне тех стран, что служили темным силам, смерти, разрухе и разбоем. Ну да, от Пятого Креста границу света на двести верст к закату русские уже сдвинули. Бог даст, и еще дальше, до самого моря отнесут.

Новик поехал, вернулся в свою светелку, достал из сундука и накиннул на себя суконную епанчу, подбитую на вороте и на плечах мохнатым енотом, после чего вышел во двор, повернул направо, на стену, по ней дошагал до терема. Глянул на двор за конюшню. Там, у колодца, и вправду маячила одинокая фигурка. Пока все веселились и праздновали, она тут на ветру скучала.

– Пришла, – с улыбкой пробормотал довольный Андрей и подмигнул стоящему в дозоре над воротами холопу.

Новик быстро спустился вниз, выбежал за усадьбу, нарвал ромашек, васильков и колокольчиков, вернулся с этим букетом, прошел к колодцу и протянул Варваре:

– Привет.

– Ой, спасибо, Андрей Васильевич. – Она опять зарделась, прижала букетик к груди, поправила завязанный под подбородком платок. – Благодарствую за такое ко мне внимание.

– Это всего лишь цветы, – усмехнулся новик. – Так пойдем, погуляем?

Варя кивнула. Они вышли за ворота, спустились к озеру, к основанию водяного креста. От берега тут же поплыли несколько коричневых уток, а сзади, словно предупреждая, низко звякнул церковный колокол – на Филаретовом храме, что между усадьбой и озером стоял.

– Никак, опять бесы балуют? – испуганно прижалась девушка к Андрею. – Может, назад вернемся?

– Какие бесы? День еще на дворе!

– Дык ведь, Андрей Васильевич, полнолуние вот-вот случится. Известно дело, на Сешковской горе в такую пору даже днем нечисть балует. Не дай Бог на глаза им попасться!

– Ты, никак, креста нательного не носишь? – поинтересовался Зверев.

– Как же не носить? Ношу! – Девушка торопливо полезла в вырез сарафана, вытянула за лняную ниточку маленький серебряный крестик. – Вот он, при мне!

– Так чего же тебе бояться? С крестом нечисть человека трогать боится, не подходит.

– Ну да, батюшка Феофан то же рассказывает. А о прошлом годе, вестимо, у нас мужик деревенский, из Бутурлей, возле Козютина мха аккурат накануне полнолуния сено косил. Дык токмо он возок свой нагрузил, конь вдруг как молвит человеческим голосом: «Никуда ты отсель не стронешься», – да и замер. Никак его мужик с места двинуть не мог. И тянул, и толкал, и понукал, и вожжами бил, и уговаривал, и манил – встал конь, и никуда с места не шел. Вконец отчаялся его хозяин. А ночь уж спустилась, нежить болотная к телеге собираться начала. Мужику страшно, ан коня с повозкой бросить жалко. Снял он одну оглоблю, да и стал вокруг ходить, помахивать. Как полезут, размыслил, так уж оглоблей этой отбиваться станет, добро свое оборонять. Ну нежить, на это гляючи, спужалась да назад на болото, за реку ушла. Мужик смотрит – ан конь у него с места сошел и давай ржать от радости. Ровно человек живой – понял, что порча черная спала. Мужик запряг его и домой поехал. Токмо к рассвету, сказывали, вернулся. Индо поседел весь, когда во двор свой заехал. А все оттого, что на Козютинном мху колдун древний, бессмертный живет. Лютобор по имени. Вот! И никакой крест того мужика не спас, хоть и крестился он, и креста не снимал.

– Как же не спас, коли он жив остался? – хмыкнул Зверев. – Сама же говоришь, жив вернулся. И колдовство это на него не подействовало, только на коня. Мерин-то, поди, некрещеный?

– Кто же лошадей крестит, Андрей Васильевич?

– Вот потому мерин один от колдовства и встал. – Андрей снял епанчу, кинул на траву. – Давай хоть здесь посидим, раз идти боишься. Ты понюхай, как травой и цветами тут пахнет. Рай просто кругом. А в усадьбе, куда ни прячься, ан аромат хлева все едино любой дух перебивает.

– Да, Андрей Васильевич, хорошо. – Варя оглянулась на усадьбу, потом уселась на край плаща, оставив обутые в низкие сапожки ноги на траве. – А крест от колдуна сильного, от порчи, от сглаза или лихоманки не спасает, это ты зря так надеешься. Вон сколько народу у нас от колдовства пропадает! Нечто от Лютобора бессмертного таким малым крестиком обережешься?

– А кто мне это рассказал, Варя, угадай? – опустил рядом с ней Зверев. – Лютобор и научил. Коли от бога христианского не отрекаешься и символ его на груди носишь, то и Бог тебя в беде не оставит.

– Значит, ты, Андрей Васильевич, и впрямь к колдуну на болото бегаешь? – испуганно перекрестилась девушка. – Почто же ты, батюшка-боярин, душу губишь?

– Зачем губить? – пожал плечами Зверев. – Лютобор говорит, богов на Руси много. Коли еще и для Христа треба честно исполнять, хуже не станет. Посему на молебен благодарственный, в честь завершения похода, я завтра пойду. И молиться стану.

– А к колдуну зачем бегать? Можно ведь и у святых помощи попросить.

– В деле, которое для меня важно, святые не помогут. С ними говорить трудно: не отвечают. А Лютобора спросить можно, посоветоваться. Он не жадный, знанием своим делится.

– Чем же колдун лесной с человеком простым поделиться может?

– Много чем, Варя, – пожал плечами новик. – Заговоры от стрел он знает, от меча, копья. От пут любых заговоры. Они и веревки, и замки любые отпирают. Оружие мое он заговорил, чтобы одного меня признавало, а другим в руки не давалось. Научил, как людей от пьянства, от болезней, от порчи, от бесплодия заговаривать, как привороты делать, красоту девицам навешивать. Научил меня проходить сквозь стены, в чужие сны заглядывать, будущее и прошлое узнавать. Про зеркало Велеса никогда не слыхала?

– Чем же он плату за такую мудрость берет? Кровь твою пьет? Душу купил? – Девушка опять перекрестилась и даже чуть отодвинулась. Но не ушла. Женское любопытство, известное дело, сильнее любого страха.

– Ты все равно не поверишь, – отмахнулся Андрей. – Считаю, что вообще без платы учит.

– Ну скажи, батюшка-боярин, чем? Право слово, никому не передам.

– Говорю же, ничем... – Зверев поднял голову к темнеющему небу: – Гляди, звезды уже зажигаются. И подмигивают, как кокетки. Красиво.

– Ну скажи, Андрей Васильевич, не мучай! А вдруг и я соглашусь? Тоже пойду к нему в ученицы, ведьмой настоящей стану. Буду бури вызывать, привороты творить, падеж на недругов насылать... Ой, прости, Господи, прости, Господи, прости, Господи... – Она спохватилась, что наболтала лишнего, и стала поспешно креститься.

– Тебя не возьмет.

– Почему?

– Платить нечем, – усмехнулся Андрей.

– Нечто у меня души нет? Али кровь не та?

– Да говорю же, Варя, не берет он платы ни душой, ни кровью. Смотри лучше, какие звезды, – откинулся он на спину. – Ты можешь себе представить, что вот так вот, сверху вниз, ничуть не меняясь, они уже миллионы лет на Землю смотрят. И еще миллионы смотреть будут. И что четыреста шестьдесят лет для них все равно, что для нас всего одно мгновение?

– Дык ведь мир всего семь тысяч лет назад сотворили, Андрей Васильевич.

– Ну да, конечно, – не стал спорить с общеизвестной здесь истиной Зверев. – И эти семь тысяч лет для них как раз, как один миг, промчались. Скажи, Варя, а как ты в усадьбу попала? Про Троценка, отца твоего, я слышал, ан не видел ни разу.

– Нешто не видел, Андрей Васильевич? – повернулась к нему девушка. – Он же летом, в середине грозовика, мед на оброк привозит, и по осени, перед Покровом.

– А-а, так это он... – Говорить, что оказался в теле барчука только нынешней зимой, Андрей, естественно, не стал. – Как же ты сюда попала?

– Отец сказывал, порчу на нас соседи навели. Он ведь бортник, зажиточно завсегда жил. Цыганскую порчу сделали – на полный извод и разорение. И маму мою любил сильно, счастливы были вместе. Хорошо жили. Вот и сделали из зависти. У нас в едино лето и маму сухотка сожрала, и сестер двух моих тоже. Мы с братьями и отцом тоже много кашляли, но уцелели. Однако же еще и заморозок средь грозовика ударил, на полях все вымерзло, токмо репы маненько уцелело да моркови. А хуже всего – улы все погибли. А мы сеяли-то мало, токмо так, для стола. И подворье было маленькое. Так получилось, на всю зиму с пустым погребом и амбаром остались.

– Так, небось, у соседей тоже все померзло... – осторожно намекнул Андрей.

– Померзло, – обхватила руками колени девушка. – Да токмо, когда от десяти чатей две трети вымерзло, то остается на новый урожай надеяться да убыток считать. А когда от половины чати двух третей не стало, то до новой весны уже жрать нечего получается. Отец ведь больше на мед, на бортничество надеялся. С того и докупал, чего не хватало. И хлеб покупал, и убоину, и сечку для кур. А тут разом без всего остались... Как папка понял, что не прокормить нас зимой будет, отвел меня к боярину. Вместо отступного, за оброк, за подъемные. Хотел

вовсе уйти. Но Василий Ярославович уговорил как-то. Остался отец. Серебро взял, братьев моих в Луки Великие отправил, к родичам дальним, ремеслу учиться. Кожевенному делу. Мне тогда токмо девять годков сполнилось. В закупе⁹ пользы никакой. Вот в холопки и продали.

– Может, и не порча? Может, просто беда случилась?

– Порча это, Андрей Васильевич, порча. Я даже знаю, кто навел. Прасковья это, что вдова Ёреминская. Как мы маялись, она все к нам захаживала. Глядела, как мучаемся. И на отпевании что-то свое бормотала.

– На чужого покойника некоторые заговоры читают, – вспомнил Зверев. – На избавление от пороков, на деньги, от суда несправедного.

– А ты порчу наводишь умеешь, Андрей Васильевич? – вдруг встрепенулась девушка. – Тебя Лютобор учил?

– Ну учил кое-чему, – нехотя признал новик. – Как душу чужую выпить учил, чтобы силу получить. Как врага извести... Да только надо ли это, Варя? Колдун сказывал, любая порча троекратно посланному возвернется. Поэтому самому наводить ее нельзя, разве только деваться совсем некуда. Надо так извернуться, чтобы другой кто-то этот грех на себя взял.

– Я возьму! – с готовностью согласилась Варвара.

– Зачем тебе? Если Прасковья порчу навела, то на нее она уже и вернулась. Пусть Бог ее карает, сама не марайся.

– Долго что-то Бог выжидает... – Она перекрестилась и, поскольку говорить сидя, через спину, было неудобно, прилегла на епанчу рядом: – А чем ты за учение платишь, Андрей Васильевич? Скажи, не мучай. Изведусь ведь. А то сама к Лютобору сбегая и больше предложу!

– Не предложишь, – улыбнулся Зверев. – Должок у него передо мной, потому и учит волхв старый. Помнишь, зимой он меня от разговора баечникова исцелял? Так вот кое-что неправильно он сделал. И очень сильно неправильно. За то учением своим и отдаривается.

– И ты теперь таким же могучим колдуном, как он, станешь?

– А чего в нем сильного, Варя? Обычные люди да вера греческая его с родного места в лес глухой загнала, и ничем он воспротивиться не смог. А парня приворожить, глаза отвести, скотину больную вылечить – разве это сила? Так, баловство мелкое. Приработок, чтобы от голода не пухнуть. Что пользы в заговоре от меча, коли сам на поединок с мечом не ходишь? А как раз меча у старика и нет.

– А он может сделать меня красивой, как Василиса Прекрасная? Такой же черноглазой, толстой, статной, румяной?

– Тебя? – Андрей повернулся набок, протянул руку, провел пальцем ей по щеке, потом сунул руку под платок, отчего тот стыдливо сполз назад, на длинную косу. Пригладил девушке волосы: – Тебе не нужно, Варя. Ты и так очень красивая.

– Какая же я красивая? – не поверила она. – У меня нос маленький и задранный. И губы совсем тощие.

– Очень... соблазнительные... губы...

Новик решил, качнулся к ней и дотронулся ее губ своими. Девушка не отшатнулась, и он поцеловал ее снова, на этот раз крепко, впившись в губы со всей страстью, которая бывает у мужчины в неполные шестнадцать лет. Варя откинулась назад, положила ему руку на спину, не только не противясь, но и прижимая паренька к себе. Ее губы были мягкими, горячими и – сладкими. Сладкими, как курага, как халва, как мед, что ее отец каждый год возил в усадьбу с глухой лесной пасеки. Наконец оторвавшись, Андрей снова провел ладонью по ее волосам, глядя в голубые глаза, и повторил:

⁹ Закуп это когда человек брал долг, который впоследствии отработывал. Как расплачивался – становился свободным. А вот холоп это навсегда.

– Ты самая красивая из всех, кого я встречал на свете. У тебя самые прекрасные брови, самый очаровательный носик, самые алые щеки и самые каштановые волосы. Ты...

– Ты блуд чинишь бесчестный, охальник?! Да как ты смеешь на берегу священного озера, перед Божьим храмом прелюбодействовать бесстыдно, раб Божий?!

Андрей быстро поднял голову и увидел над собой черноризника с откиннутым капюшоном и большущим крестом на груди.

– Вот черт! – вырвалось у него. – Как не вовремя!

– Да как ты смеешь нечистого поминать здесь, на земле, благословенной самим апостолом?! За такие слова длань Господня твой язык вырвать должна немедля и к муравейнику на месяц в наказание прибить!

Варя уже вскочила, заметалась из стороны в сторону, кинулась бежать к усадьбе. Зверев поднялся медленнее, подхватил плащ, встряхнул, закинул за плечи, застегнул крючок на шее.

– Негоже без благословения Божьего, без молитвы и благословения родительского баловство подобное чинить! Да еще прилюдно, в чистом поле, пред взорами Божьими и чело...

– Заткнулся бы ты, отче, да чесал отсюда не торопясь, – не выдержал Андрей. – Не со смердом треплешься, с родовитым боярином, хозяином земель здешних. Чем лясы точить, на гору Сешковскую бы сходил, там сейчас как раз нечисть гуляет. Мало того, что приперся не вовремя, так еще уму учить пытаешься.

– Да ты... – задохнулся монах. – Да как ты смеешь?!

– А про поле помолчал бы лучше, коли не знаешь, не позорился бы пред людьми. От семени, на пашне пролитого, хлеба вдвое гуще растут. Да и от бесплодия земля лечит.

– Молитва лечит, охальник! – вскинул руки к небу монах. – Молитва, не знахарства языческие! Гнев, гнев Господний на тебя за мысли и слова сии призываю.

– Гора там, – указал пальцем на проклятое место новик. – Полнолуние скоро, нежить голодная бегаёт. Шел бы туда, отче, им про Господа рассказал. А мне ты уже надоел...

Он похлопал монаха по плечу и вошел к воротам усадьбы, всей спиной чувствуя ненависть и недоумение святого отца. Здесь, в православной земле, он к такому обращению явно не привык. Даже Зверев, выросший в атеистическом времени, уже давно проникся здешним почитанием веры, церкви и ее служителей, но... Но подобное явление монаха в самый неподходящий момент способно вывести из себя кого угодно. Он, что, не мог стороной парочку у озера обойти?

Варвара приплясывала у запертых ворот, не зная, что делать. Кричи, не кричи – до утра не откроют. Еще боярину, может, и открыли бы, – но не холопке.

Мало ли кто под покровом ночи к чужому дому подкрадывается? Увидев новика, она отвернула лицо, прикрыв его сдернутым вперед краем платка. Ровно и не лежали они всего минуту назад бок б бок и не радовались поцелую. Наваждение ушло.

– Чертов монах, – тихо буркнул себе под нос Андрей и наложил руки на ворота, вспоминая, где именно деревяшка лежит на крюках. Лютобор обещал, что заклятие отпирает любые запоры. Как – только далеким предкам ведомо, что магию сию создавали.

Новик закрыл глаза, сложив руки на двери, крест-накрест, ладонями вперед, сосредоточился, мысленно сливаясь руками с запором, и еле слышно, только для себя и ворот, заговорил:

– Встану утром рано, опущусь утром низко, подниму пояс железный, надену шапку медну, надену сапоги булатны. Поклонюсь на север, поклонюсь на юг, поклонюсь на запад да пойду на восток. Пойду в сапогах булатных, в поясе железном, в шапке медной. Пройду тропой мышьиной, пройду трактом широким, пройду тропинкой извилистой. Пройду сквозь гору высоко, пройду сквозь лес черный, пройду сквозь море глубоко... И тебе, воротина, меня не остановить! – Зверев резко развел положенные на ворота руки и тут же услышал по ту сторону приглушенный стук.

– Кто там бродит? – окликнули со стены.

Андрей, промолчав, потянул воротину на себя, кивнул девушке, чтобы проскочила в открывшуюся щель, сам скользнул следом, закрыл проход, поднял и вернул на место запор. Прошел к внутренним воротам, точно так же открыл и их.

– Да кто там гуляет?! – опять насторожился на звук караульный.

– Да я это, я, – громко зевнул новик. – Я, Андрей. Не спится что-то...

– Не спится – это странно, – хмыкнул сверху холоп. – Обычно после пира не встается.

– Это у кого как, – отозвался второй дозорный. – Иной раз и вправду ходишь, ходишь, а сна нет и нет. А потом не встать никак. И не хочется.

Зверев тихо ушел в темноту двора. Варвары нигде видно не было. Судя по всему, первое свидание окончилось. И непонятно, плохим оно оказалось или удачным. С одной стороны, монах настроение испоганил напрочь. С другой – на губах все еще оставался медовый вкус первого поцелуя. С этим приятным ощущением новик и отправился спать.

Как обычно после праздника, поутру в усадьбе было довольно тихо. Не дожидаясь, пока кто-нибудь придет его будить, Андрей поднялся, не спеша оделся. Раньше примерно в это время Варя приходила, чтобы навести в светелке порядок, прибрать постель. Но сегодня она не торопилась.

– А может, и вовсе решила с кем-нибудь местом поменяться, – сказал он сам себе.

Зверев раскрыл сундук, что стоял под окном, и достал добротную дедовскую кольчугу. Она была чуть не втрое тяжелее байданы – но зато после нее в новой броне чувствуешь себя легким, словно воздушный шарик. Лучше пораньше устать на тренировке, чем первым вымотаться в бою. Дальше все, как всегда – кистень в рукав, саблю на пояс, бердыш за спину.

Новик спустился вниз. Проходя мимо колодца, хлопнул по плечу опухшего от пива конюха, который устало черпал в корыто воду:

– Коня мне оседлай, сейчас вернусь.

Взяв у сарая десяток поленьев, он вышел за ворота, расставил их там, поместив некоторые одно на другое, на макушке сложил шишки – излюбленную свою мишень. И началось его обычное мирное утро. Сперва кистенем по шишкам – спереди, сзади, с разворотом, слева, справа, верхние, нижние. Наупражняв руку кистенем, Андрей взялся за бердыш, потом за саблю, напоследок немного поиграл ножами. Битва – это не спортивное соревнование, никто в сече твоего разряда и классности спрашивать не станет, с равным противником не сведет. Война всем по умолчанию высшее мастерство присваивает. Не дотягиваешь – враз получишь удаление до новой реинкарнации. Потому-то и не жалел Зверев своего утра на полноценную физзарядку, и только часа через два он обычно возвращался в усадьбу, к завтраку.

Увы, в доме по-прежнему царил мертвый сезон. Новик сбегал к себе, переоделся. Затем заглянул в трапезную. Здесь еще посапывали довольные собой победители – кто на скамьях, кто на полу, кто и носом в стол, крепко сжимая опустевший кубок. Хозяин с боярыней сюда, видно, еще не заглядывали. Андрей наскоро перекусил двумя пряженцами с вязигой, запил холодным и ядреным от хрена квасом, сбежал во двор, прямо с крыльца снова запрыгнул в седло и вылетел за ворота. Чуть придержав коня, оглянулся:

– Эй, кто там в страже сегодня? Батюшке передайте, на охоту я поскакал. Может, повезет, косога кистенем собью!

Не дожидаясь ответа, он пнул пятками коня и послал его знакомой тропой в сторону Козютина мха. Пару верст до Большого Удряя, вброд через реку, потом тропой через колышущуюся под копытами вязь до зарослей ежевики, после влево через просвет в кустарнике, а там уж совсем недалеко и до заросшего дубами пологого холма.

Перед входом в пещеру стояла оседланная лошадка, а потому новик повернул влево, объехал густой малинник и привязал коня там, подальше от посторонних глаз. Сам же вернулся и осторожно вошел в пещеру, прислушиваясь к глухим от многократного отражения голосам.

– Гляди, милая, коли напраслину на нее наводишь, то на тебе весь грех останется, тебе пред богами отвечать придется, тебя невинная душа на Калиновом мосту встретит... – торжественно вещал Лютобор.

– Она, она, разлучница проклятая, – ответил волхву плаксивый бабий голосок. – Точно знаю, на кровь она мужа моего приворожила. Воду ему в поле носила, змея подколодная, тогда приворот и навела. Вроде как заботилась, а сама все в амбар наш заглядывала да в овин бросала что-то.

– Коли так, милая, вот что я тебе скажу. Ступай, проследи за разлучницей. Увидишь, где она на землю встанет – ты след-то тот опосля собери да мне принеси. Я уже через след этот бабу и высушу. Но твоим словом высушу, тебе ответ держать придется!

– Сделаю, отец родной, все сделаю...

Андрей понял, что посетительница сейчас откланяется, а потому вышел, спрятался за густым зеленым кустарником и, лишь когда услышал удаляющийся стук копыт, снова ступил в пещеру.

– Здрав будь, мудрый волхв Лютобор, да сохранится в веках твое имя! – торжественно поздоровался Зверев, спускаясь по выкопанным вдоль стены ступенькам. – Разве не грешно так поступать? Как я понял, ты через след некую невинную душу извести собрался?

– Опять бабы дурные мужика не поделили. – Старик одернул опоясанную кушаком, новенькую полотняную рубаху с вышитым воротом. – Не изведешь – так детей малых сиротами при живом отце оставишь. А что хуже? Рази угадаешь.

– Ты, смотрю, в обновке, Лютобор? Никак, очередной боярыне смог приворот на князя знатного сотворить?

– За что меня одежей отдалили, ты дома узнаешь, – погладил морщинистое, «босое» лицо старик. А по тебе, я за сто лет и рубахи новой надеть не могу?

– Только скажи, и я притащу тебе десять меховых плащей, мудрый Лютобор, – предложил Зверев.

– Скажи, скажи... Сам догадываться должен! – недовольно отмахнулся колдун.

– Я о другом подумал, мудрый волхв, – показал хозяину кожаный бурдючок Андрей. – Ни разу тебя не спрашивал, ты вино пьешь или нет?

– И другие не спрашивают... Ладно, кружки вон, на полке возьми... – смягчился старик. – Ну да ты знаешь.

– Давай за победу выпьем, учитель. За успехи! Ты не поверишь, но я все, чего хотел для России, все сделал. За один поход. Огнестрельное оружие сделал, испытал, и оно всем понравилось. Теперь, думаю, их все изготавливать начнут. Бердыши, про которые я в колдовском мире в прошлый раз узнал, тоже отковал несколько штук – и тоже всем в походе понравились, все такие же делать станут. С танками чуть промахнулся, но зато у нас такая отличная штука, как гуляй-город, получилась. И тоже всем понравилась и князьям, и воеводам, и холопам простым. Тоже, думаю, теперь все изготавливать и применять начнут. Так что, теперь можно и возвращаться... – Новик сел к столу и наполнил красным вином глиняные кружки. – Как говорится, я сделал все, что мог. Мавр сделал свое дело, мавр может уйти. До нового полнолуния всего два дня.

– Уверен ли ты, отрок, что место, куда ты уйти так желаешь, на самом деле имеется? Уж не сказочно ли оно? Опять ведь тебя назад, сюда возвернет.

– Уверен, мудрый волхв, уверен. Я ведь тебе еще с месяц назад рассказал, как не дал великого князя Ивана Четвертого убить, как наемников разогнал, а его мы с побратимами в Москву в целости доставили? Его там теперь боярин Кошкин бережет, близко никакого врага не подпустит. Так что переворота не случится. Иван Грозный сохранит свой трон, история вернулась в правильную колею, никакого разгрома и уничтожения России не случится – а значит, и мой дом в будущем на месте.

– Сладкие ты речи ведешь, отрок, сердцу моему приятные, – тяжело вздохнул старик. – Но кабы все и всегда так, как нам хочется, получалось... Да, видел я в зеркале Велесовом, встал ты на пути смерти великокняжеской, остановил врага злобного, тайного, сохранил власть к длани правителя законного, от рода Хорса поставленного. Но не единым днем все меняется. Помнишь, о чем сказывал я тебе во время первого нашего разговора?

– Помню, – кивнул Андрей и принялся загибать пальцы: – Во-первых, этой весной вместо убитого Ивана Четвертого в Великие князья сядет Владимир Старицкий. За помощь в перевороте он даст вольную Пскову и Новгороду, и те переметнутся к Литовскому княжеству. Или, точнее, к Польше. Там уже сейчас Сигизмунд королем обеих стран числится. Во-вторых, Османская империя покорит всю Европу. В-третьих, в Польшу турецкий султан посадит своим правителем какую-то нежить, вампира или оборотня. В-четвертых, где-то в годах семидесятых по указу султана тот вампир и казанский хан одновременно нападут на Россию с разных сторон, а сам он станет наступать с юга. В-пятых, от России останутся только Архангельская область и Карелия, а все остальное раздраконят захватчики. В-шестых, вампир будет уничтожен, Польша сдастся туркам, и весь мир станет одной большой Османской империей. То есть вру немного. Цивилизованные страны уцелеют. Ну Китай там, Индия. Но все остальное достанется туркам. Все, пальцы кончились.

– Можешь разгибать персты обратно, дитя, – присел к столу волхв. – Так что же ты сделал? Ты спас правителя, великого князя, не допустив к столу московскому чужака. Чужака не по крови, но по мысли и воспитанию. Однако же раскрыт ли заговор? Истреблены ли предатели? Коли нет, то они повторят свое покушение, и, может статься, в этот раз оно окажется более удачным. Ты спас Ивана – но что изменится при этом для отделенной от всей честной Руси части русского народа, коя населяет Великое Княжество Литовское? Они попадут под иго иноземное, польское, лишатся своего языка и разума, утратят корни свои и стержень русский.¹⁰ Ты спас великого князя – но разве от этого сгинет империя Османская, разве исчезнет ее султан со своими замыслами? Разве это заставит Казанское ханство отступить от своих планов? Неужели ты думаешь, что передача московской власти от одного мальчика к другому сможет изменить судьбы мира.

– Уверен, – кивнул Андрей. – От одного-единственного человека подчас зависит очень и очень многое. Не появись в Пруссии Бисмарк, в нашем мире не было бы Германии. Не появись в России Сталин, нашу страну сожрали бы или Антанта, или Гитлер, не появись Путин – ее порвали бы америкосы. Не начни Наполеон войну с Россией – вся Европа навсегда сделалась бы Францией. Не решишь Гитлер напасть на Советский Союз – Третий Рейх завоевал бы остальную половину мира. Да что там правители – одна-единственная бомба, упавшая в сорок втором году в битве за Мидуэй на японский авианосец «Кага», решила исход всей войны на Тихом океане. Нужно только оказаться в нужное время в нужном месте. Я сохранил русский трон за Иваном Грозным. А уж он-то не даст стране погибнуть. Не за то свое имя получил!

– Еще не получил, отрок, – покачал головой колдун. – И получит ли? Слышал я, дед его, Иван Васильевич, прозвище это носил. Уж не путаешь ли ты князей великих? Для твоей памяти лет-то от сих дней, ой, как много прошло.

– А зеркало, зеркало твое что говорит?

– Зеркало Велеса – оно не птица, чтобы весь мир с высоты обозревать, – покачал головой волхв. – Оно тебе то место и тот час показывает, про который ты его спрашиваешь. Али судьбу человека кажет, чье сало в свечу добавлено. За тем, как Русь моя через тридцать лет с земли сгинет, я не один век доглядывал, посеуму и знаю все в подробности. А что теперь станется,

¹⁰ Лютобор несколько стусил краски. После распада Польши в конце восемнадцатого века земли и население Великого Княжества Литовского получили свободу и вернулись в состав России под именем Белой Руси. Белорусский народ смог отстоять и свое право на истинную веру, и свой язык.

при новом князе, уж не ведаю. Иные битвы из зеркала сгнули, новые я еще не нашел. Полста дней всего прошло, как ты дланью своей мироздание подкрутил – ан уже половина событий со своих мест попропадало.

– Вот видишь, Лютобор, – довольно усмехнулся новик. – Значит, и один человек что-то изменить может?

– Что-то – может, – согласно кивнул колдун, поднял кружку, сделал несколько глотков и продолжил: – Но много ли он изменит? Можно поставить на пути ручейка ладонь, и тогда за рукой появится сухое место. Но остановит ли ладонь поток? Нет, он отечет руку стороной и покатится дальше по своему руслу. Можно насыпать плотину. Но и тогда поток не остановится. Он лишь задержится, пока воды не хватит, чтобы она перехлестнула через край. Ты можешь прокопать новое русло, можешь сделать его длинным, запутанным. Но рано или поздно твои силы иссякнут, и поток, который стремился на юг, покинув рукотворное ложе, все равно повернет к югу и вольется в то море, к которому нес свои воды изначально. Что бы ты ни делал, как бы ни старался – предначертанного не изменить. Коли княжича Ивана не смогли истребить этой весной – кто помешает предателям сделать это в следующем году или через год? Коли три державы с трех сторон накинута на Россию – кто остановит их, пусть на столе Московском и останется законный наследник? Пройдет три десятка лет, и Руси, моей Руси, больше не станет. Утонет она в крови, стерта будет с лица земли, и имени ее не останется.

– Зачем ты говоришь это, Лютобор? – стукнул кружкой о стол Зверев. – Для чего? Хочешь сказать, зря я со схизматиками наемными бился, зря царевича спасал?

– Нет, не зря, чадо мое, – вздохнул волхв и снова пригубил вина. – Доброе дело никогда не бывает ненужным. Из малых добрых дел великие свершения складываются. А сказать я хочу о том, что будущего твоего... того, о котором ты с такой гордостью сказывал, – нету. Смотрел я в зеркало Велесово на четыреста семьдесят лет тому вперед. Нет там ни домов белокаменных, ни дорог гладких и твердых, ни света чудесного. И языка русского там нет.

– Этого не может быть!

– А вино вкусное, Андрей. Ой, какое вкусное. Давно уж налитком сим не баловался. Мужики порой догадаются меда хмельного принести, а уж вина и вовсе на столе моем не бывало.

– Этого не может быть! – громче повторил новик.

– Ты странный человек, чадо мое, – спокойно приподнял брови старик. – Порою разумен на удивление, о мудростях сказываешь, о каковых я и не слыхивал. А порой упрям и глуп, точно юный козленок. Ты же, Андрей, уж не раз чародейство зеркала Велеса в делах своих повседневных использовал. Из него и о набеге польском узнал, и о себе, и о покушении на великого князя. И ни разу оно тебе не солгало. Почему же упрямишься, правды признать не хочешь, коли о годах и селении твоём речь заходит? Ну нет, нет там никаких каменных городов!

– Тогда откуда я взялся?!

– Вестимо, из рабов сарацинских, – пожал плечами колдун. – Али из иных мест заклятие тебя вытянуло.

– Этого не может быть!

– Как знаешь, отрок, – вздохнул Лютобор. – Я от своего слова отказываться не намерен. Послезавтра ночью полнолуние случится. Посему, коли придешь послезавтра ввечеру на алтарь рухнувшего храма, на Сешковскую гору, я вновь проведу обряд возвращения тебя в родные места. Туда, откуда ты пришел. А теперь ответь мне: как спасти человека от порчи, коли ее через плоть наводят? Через волос, кровь, пот его?

– На воск можно отлить или через солнечную дугу отговорить, – налил еще по кружке вина Андрей.

– Нет, чадо, – покачал головой колдун. – Так ты от сглаза, от порчи на расстоянии спастись можешь. А коли через плоть чародей действует – он на жертву напрямую, мимо любых защитных заговоров выходит... Ох, хорошее вино, доброе. Порадовал старика.

– Найти надо чародея и грохнуть. Саблей по шее.

– Это заклятие креп... крепким выйдет, – чуть не подавившись, довольно закудаhtал старик. – Однако же коли не найти врага, то действовать иначе, хитрее можно. Тут понадобятся три волоса от трех невинных детей...

* * *

Ночью было довольно прохладно, поэтому поверх рубахи Зверев надел войлочный поддоспешник, а уж на него – шитую серебром ферязь, опушенную у ворота и на обшлагах бобровым мехом. Разумеется, в рукав он сунул кистень, на пояс, рядом с ножом, ложкой и косарем, повесил саблю. Спустился наружу, как и в прошлый раз, справа через частокол. Но теперь он сложил веревку вдвое и, встав на траву, просто потянул один из концов, и веревка благополучно соскользнула вниз.

На Сешковской горе бродили какие-то белые и желтые огоньки, похожие на громадных светлячков или глаза циклопов – парами огоньки не перемещались. В голове сразу всплыли все те страшные рассказы, которые он успел услышать про злобную нечисть, что обитала на месте рухнувшего храма злых духов. По спине побежали мурашки, однако новик встряхнулся и решительно пошел туда. В конце концов, он и сам теперь почти что колдун. Добрая сабля и заговорное слово – чего можно опасаться с таким оружием?

В этот раз озеро пришлось обходить, поэтому путь занял не десять минут, а все двадцать. Еще и ноги путались в высокой сочной траве, и комары постоянно кусались, словно летали над простым смертным, а не над человеком, что сейчас промчится сквозь толщу веков.

Над древним алтарем – большим камнем с плоской верхушкой – огоньков вилось особенно много, причем они без страха смешивались с искорками пламени, взмывающими к небесам. Похоже, Лютобор развел костер за алтарем, чтобы его не было видно из усадьбы – но подобрать дрова, не дающие искр, не догадался. Хотя... Кто станет вглядываться в огоньки над проклятой горой? Их тут и без костра в избытке.

– Вечер добрый, мудрый волхв.

– И тебе всего хорошего, чадо, – ответил из темноты колдун. – Не передумал?

– Нет, конечно. Домой-то хочется.

– Тогда забирайся. Куда, ты уже знаешь. Глаза не забудь закрыть. А то можешь попасть в священный огонь, ослепнешь.

– Я помню, Лютобор. – Зверев вскарабкался на камень, сдвинул ножны сабли назад, уселся, поджав под себя ноги. – Я готов, волхв.

– Тогда прощай, чадо...

Колдун метнул в огонь что-то трескучее, рассыпавшееся мелкими огненными искрами, начал негромко напевать. И опять, как в прошлый раз, Зверев ощутил, что проваливается в жаркую, ослепительную бездну... Минутой спустя он привычно поймал ногами опору, чуть присел, гася инерцию, секунду выждал, ощущая сквозь веки яркий свет, а потом открыл глаза...

Он стоял под деревьями на песчаной дорожке, справа и слева тянулся ровно стриженный газон, а за ним виднелась асфальтированная дорога. Справа – широкая, по ней постоянно проносились машины. Кроме иномарок, Зверев сразу узнал несколько «Волг», «зубил», пару «десяток». Слева дорога была узкая, и на ней царили покой и тишина, только несколько припаркованных автомобилей показывали, что движение там тоже разрешено. Дальше возвы-

шались кирпичные пятиэтажки сталинской постройки. В просветах между домами зеленели огромные великовозрастные тополя.

– Дома... – неуверенно пробормотал Андрей. – Неужели я дома? Дома!!!

На дороге справа неожиданно громко завизжали тормоза, коротко вякнула сирена. Новик увидел, как из милицейского «жигуленка» выходят двое мужиков в подзабытой серой форме: в брюках и кителе.

– Эй, парень, иди-ка сюда. Документы у тебя есть?

Прямо по газону они подошли к Андрею, с интересом разглядывая его костюм.

– Очередной ролевик, что ли? Или с клуба исторического? Чего ты тут за маскарад устроил?

Зверев молчал, лихорадочно пытаясь придумать правдоподобный ответ. О таком развитии событий он как-то заранее не подумал.

– Ножик покажи, – ткнул пальцем в сабельную рукоять один из ментов.

– Только осторожнее, она острая и заговоренная, – потянул клинок из ножен Андрей.

– И помедленнее. – В руках у второго стража порядка оказался пистолет.

Новик достал оружие, передал его первому милиционеру рукоятью вперед. Тот попытался согнуть клинок, покачал им, осторожно потрогал лезвие и тут же ругнулся – на подушечке большого пальца выступила кровь.

– Молодец, мальчик, – покачал головой второй мент. – Считаю, на четыре года ты уже нагулял. За ношение холодного оружия. Только давай без глупостей. По малолетке условным сроком отделаешься. Начнешь чудить – загремишь по-настоящему. Давай, расстегивай ремень и бросай его со всем барахлом на землю. Ну, снимай!

– Вот черт! – вслух выругался Зверев. – Домой, называется, приехал.

– Вот именно, что черт. Не хрен в шутовских нарядах и с мечами по улицам шастать. В КПЗ недельку посидишь – на будущее умнее будешь. Ты бы еще с пулеметом гулять пошел.

Разумеется, эту парочку новик мог убить в одно мгновение. Тем более что затвора милиционер, как он слышал, не передергивал. Но в машине сидели еще двое противников, которые наверняка начнут стрелять. Да и не виноваты менты, что они порядок на улицах охраняют и что с оружием ходить по улицам почему-то запрещено. Рабские законы. Всегда и везде обладать оружием запрещали только рабам. Свободный человек должен иметь возможность защитить себя или свою страну.

– Рабские законы, – вслух повторил Андрей.

– Снимай, а то еще и сопротивление в протокол впишу.

Новик поморщился, расстегнул пряжку и позволил поясу с оружием упасть на землю.

– Руки подними.

Зверев согнул руки в локтях, зажимая грузик кистеня в месте сгиба, заложил ладони за голову.

– Больше никаких сюрпризов нет? – Мент, убрав пистолет, наскоро похлопал его по бокам, по спине, животу, присел, шлепая ладонями по широким штанинам шаровар.

– У меня даже карманов нет, – фыркнул Андрей. – Осторожней, щекотно!

– Ладно, пошли в машину, – подтолкнули его к «жигуленку».

Сбоку опять раздалась ругань: второй милиционер начал убирать саблю в ножны и снова порезался. Заговор Лютобора продолжал действовать.

На заднем сиденье маленькой машинки Зверева зажали с боков задержавшие его стражи порядка, «жигуленок» взвыл сиреной, развернулся, помчался назад по проспекту, потом свернул в какую-то улочку, еще одну. Места были незнакомые, и Андрей старательно крутил головой, пытаясь разглядеть таблички с названием улиц. Как назло, все они находились или слишком далеко, или заслонялись ветками деревьев.

– Мужики, а что это за город?

Менты дружно захохотали:

– Сообразительный мальчик. Не успели повязать, а он уже «дурку» запускать начинает. Зверев откинулся на спинку и больше никаких вопросов не задавал.

Отделение милиции располагалось на первом этаже двухэтажного кирпичного дома, особняком стоявшего среди уже порядком обжитых «хрущевок». Судя по пышным яблоням под окнами, строилось и заселялось все это еще лет двадцать назад, если не раньше. Машина остановилась под крыльцом, служивые вытащили Андрея из машины, отвели наверх, за пластиковый щит с большими красными буквами и маленьким окошечком для переговоров с просителями.

– Гляньте, товарищ капитан, как золотая молодежь ныне гуляет. – Мент, что задерживал новика, шумно кинул на стол его оружие. – Он, кстати, уже «дурку» гнать начал, так что можно пока протокола не составлять. Пусть в «обезьяннике» посидит, пока родители с адвокатом не примчатся.

– Почему это «золотая молодежь»? – не понял Зверев.

– Ты на лапы свои посмотри. Все в «гайках».

Колец у Андрея было всего два, причем одно – боевое, с канавкой для тетивы. Ну и серебряный браслет – тетиву отбивать. И он, естественно, настолько привык к ним, что давно не замечал.

– Снимай свои побрякушки. – Капитан с повязкой «Дежурный» на рукаве отодвинул пояс с саблей, открыл ящик стола, достал и положил на закрывающее столешницу стекло тонкий бланк. – Будем протокол изъятия составлять. Значит, два ножа простых, один нож большой изогнутый, один ремень...

– Неправильно, – не выдержал Зверев. – Один пояс боевой, одна сабля булатная, суздальская, шестнадцатого века с эмалевой филигранью по золоту. Один косарь простой, боевой, один нож обеденный в серебряном окладе, одна ложка столовая, серебряная, с двумя рубинами на рукояти.

Дежурный остановился, глянул на задержанного, потом придвинул оружие к себе, потянул саблю из ножен. Тронул пальцем клинок – естественно, тут же порезался и недовольно пихнул его обратно:

– А хрен его знает, серебро это или алюминий обычный! Железо как железо. Может, ты его сам из рессоры выточил? Снимай побрякушки! И два кольца из желтого металла. Латунные или медные, ясно. И права тут мне не качай. Конфискат все равно в переплавку пойдет, пусть хоть из дерева ты его выточил. Фамилия! Адрес! Дата рождения! Ты хоть понимаешь, что тебе четыре года за ношение оружия светит, говнюк?

Из находившихся в комнате пяти сотрудников один поднялся, подступил к столу, взял в руки пояс, но обнажать клинки не стал, только осмотрел ножны и рукоять, осторожно опустил обратно, выразительно глянул на другого. Тот тоже поднялся, и они вместе вышли из помещения. Новика это почему-то не понравилось – появилось под желудком какое-то нехорошее чувство. Мент, который его задерживал, поморщился, пожал плечами и тоже удалился. Новик механически отвечал на вопросы, оглядывая просторную комнату. Стол с парой телефонов, фанерные скамьи вдоль стен, большой сейф в углу, чуть дальше – забранная решеткой дверь, за которой стояли в открытой стойке автоматы, лежали рожки и подсумки. Одна дверь – в ведущий на улицу коридор, вторая – в другой коридор, внутренний, расположенный вдоль дома.

– Ладно, – кивнул капитан. – Проверим, что ты тут натрепал, потом дальше поговорим. Стас, сунь его в обезьянник.

Дородный мент, ростом в полтора Зверева, поднялся, медленно работая нижней челюстью, молча прихватил новика за шкирятник и выволок в коридор. Там остановился перед одной из железных дверей, достал из кармана ключ, отпер замок, распахнул створку и швырнул задержанного в комнатушку. Послышался громкий щелчок замка, удаляющиеся шаги.

– Вот козел... – Андрей встал, отряхнулся, окинул взглядом камеру.

Половину помещения занимал топчан из покрытой лаком вагонки, тянувшийся от стены до стены, в углу стояла эмалированная раковина и темнела дыра в полу с характерными ребристыми поверхностями для ног по сторонам. Кроме него, тут уже куковали пять человек. Трое, совершенно бродяжного вида, лежали ближе к одной стене, двое других – один в костюме, другой в клетчатом свитере и джинсах – играли на другом краю в фантики.

– Хмырь, у тебя курево есть? – не поворачивая головы, спросил тот, что в свитере.

– Нету. – Новик подошел к двери, прислушался к тому, что происходило снаружи.

– Ты на него глянь, Кеша, – хлопнул товарища по колену тот, что в костюме. – Цирк с доставкой на дом.

За дверью послышался выкрик, злобная ругань. Похоже, за заговоренный клинок схватился кто-то еще.

– Откуда ты такой блестящий? – повернул его за плечо к себе клетчатый.

– Отстань, – отмахнулся Зверев.

– Ты как с приличными людьми разговариваешь, малец? – На этот раз мужчина развернул его к себе более решительно. – Тебя же вежливо спросили: откуда ты взялся?

– Откуда, откуда... Посадили!

Новик попытался снять его руку с плеча, но клетчатый только сильнее прижал его к двери:

– Тебя не учили, как нужно разговаривать со взрослыми, мальчик? Нужно ответить: «Прости, дяденька, за беспокойство. Виноват, буду рад искупить вину любым способом, как прикажешь». Понял?

– Это ты, что ли, смерд вонючий, мне приказывать станешь? – искренне изумился новик.

– Мальчик румян и симпатичен, но явно невоспитан, – укоризненно покачал головой клетчатый.

– Руку убери, – столкнул Андрей лапу мужчины с плеча.

– Очень невоспитан, – усмехнулся клетчатый и снова вскинул руку. Но на этот раз между средним и указательным пальцем блеснуло лезвие. – А невоспитанных нужно учить. Ты жилеточку-то свою сыми. Нехорошо детям в мехах щеголять, когда рядом приличные люди мерзнут.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.